

От автора мирового бестселлера
«P.S. Я люблю тебя»

Веснушка

сесилия ахерн

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Сесилия Ахерн

Веснушка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66724542
Веснушка: Азбука-Аттикус; Москва; 2021
ISBN 978-5-389-20482-9

Аннотация

«Ты – среднее арифметическое пяти человек, с которыми больше всего общаешься», – говорит Аллегре Берд незнакомый юноша. Эти слова задевают и ранят девушку: а есть ли вообще в ее жизни эти люди? Аллегре, которую все зовут Веснушкой, 24 года, она выросла с отцом-одиночкой и никогда не видела свою маму – испанскую красавицу Карменситу. Может быть, ее мать должна войти в эту пятерку? Между суровым атлантическим побережьем Ирландии, где остался ее отец и старые друзья, и богатым пригородом Дублина, где Веснушка живет и работает, но все еще чувствует себя аутсайдером, она ищет свою маму-беглянку, ищет «свое племя», а главное – ищет себя. Рассказанная ярким, живым голосом главной героини, это незабываемая история о человеческих взаимоотношениях, о родстве по крови и по духу, о дружбе и о том, как стать собой, – пронзительный и берущий за душу роман взросления.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	32
Глава пятая	39
Глава шестая	46
Глава седьмая	55
Глава восьмая	69
Глава девятая	80
Глава десятая	95
Глава одиннадцатая	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Сесилия Ахерн

Cecelia Ahern

Freckles

© Cecelia Ahern, 2021

© Barry McCall, фотография автора на суперобложке

© Чомахидзе-Доронина М., перевод на русский язык,
2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021 Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается Сусане Серрадас

Ты курица, Аллегра? Кво-кво-кво. Ты позволишь словам того человека сломить тебя, выбить из колеи? Позволишь, Аллегра? Он назвал тебя неудачницей. Он думает, что пять человек, с которыми ты общаешься чаще всего, – тоже неудачники, как и ты; может, он прав, смотри, как ты отреагировала, Аллегра. Или называть тебя Веснушкой? Кто ты теперь? Аллегра или Веснушка? Ну же, решай...

Пролог

Хруст улитки под ногой в темноте. Треск панциря. Скрежет. Слизь.

Звук отдается в зубах, и острая боль пронзает десны, словно воспаленный нерв.

Я не успеваю убрать ногу, не могу повернуть время вспять, исправить то, что я натворила. Я раздавила склизкие внутренности улитки, заторможенной, полусонной. Расплющила и вмяла их в землю. Еще несколько шагов я чувствую эту липкую жижу на ноге. Будто несущ место преступления на своей скользкой подошве. Смерть на моем ботинке. Размазанные кишки. Надо вытереть об траву.

Так бывает, когда идешь ночью по скользкой от дождя дороге и не видишь, куда наступаешь, а улитка не видит, кто наступает на нее. Я всегда жалела улиток, но теперь сама знаю, каково им. Воздаяние. Карма. Теперь я знаю, что чувствуешь, когда раскалывают твой панцирь и выставляют твои внутренности на всеобщее обозрение.

Он раздавил меня.

Протащил меня несколько шагов, размазав мое мягкое нутро по своей подошве. Интересно, его душа тоже запачкалась? Интересно, он почувствовал мой хруст и слизь под его взглядом, когда он бросил в меня полные ненависти слова, будто плюнул, и ушел. Несколько шагов волок на себе мой

панцирь, прежде чем осознать, что еще не отделался от меня. Один поворот ноги, будто тушит сигарету, – и меня больше нет.

Мои останки на дороге. Треснувший панцирь, обнаженное, беззащитное мягкое нутро, которое я всеми силами оберегала. Крах всего, что я так долго выстраивала и защищала. Чувства, мысли, сомнения сочатся из всех трещин. Длинный серебристый след раздавленных надежд, словно мерзкой требухи.

Я не успела посторониться. Может, он и сам удивился тому, что натворил.

Но на этом жизнь не закончилась, хотя ощущение было именно такое. Я не погибла. Меня раздавили и бросили истекать кровью. От Аллегры Берд остались одни осколки. Невозможно склеить треснувший панцирь. Но можно выстроить новый.

Глава первая

Когда мне было тринадцать, я проводила линии между веснушками на руке, как в головоломке, где надо соединять точки. Поскольку я правша, моя левая рука покрылась паутиной синих полос от шариковой ручки. Со временем из этих полос сложились рисунки созвездий, прочерченных от веснушки к веснушке, точная копия ночного неба. Больше всего я любила рисовать Большую Медведицу – или Большой ковш, как называют в некоторых странах. Я мгновенно находила ее на небе, и, когда в школе-пансионе выключали свет и коридоры погружались в безмолвие, я включала лампу для чтения и при ее тусклом свете брала синюю гелевую ручку и проводила линии от веснушки к веснушке – всего семь звезд, – пока моя кожа не начинала походить на карту звездного неба.

Дубхе, Мерак, Фекда, Мегрец, Алиот, Мицар и Алькаид. Я не всегда выбирала одни и те же веснушки, иногда усложняла себе задачу и старалась повторить созвездие в другом месте, например на ногах, но долго сидеть съежившись было тяжело – спина болела. К тому же это было неестественно, будто я принуждала другие веснушки стать тем, чем они не были. У меня семь идеальных веснушек на левой руке, будто нарочно созданных для Большой Медведицы, так что я наконец решила не мучить другие веснушки и каждую ночь,

после того как утренний душ смывал чернила, я снова бралась за работу.

Затем я переключилась на Кассиопею. Это было легко. За ней последовали Южный Крест и Орион. Над Пегасом пришлось потрудиться – четырнадцать звезд-веснушек, но мои руки чаще находились под солнцем, чем остальные части тела (за исключением лица), так что здесь было наибольшее скопление меланиновых клеток, идеально расположенных для созвездия из четырнадцати звезд.

В темноте нашей школьной спальни на соседней кровати, за перегородкой, тяжело дышала Кэролайн – она ласкала себя, думая, что никто не знает, а с другой стороны от меня Луиза перелистывала страницы аниме-комикса, который читала при свете фонарика. Напротив меня Маргарет уминала целый пакет шоколадных батончиков – потом она сунет пальцы в рот, чтобы ее вырвало; Оливия тренировалась целоваться на зеркале; а Лиз и Фиона целовались друг с другом. Кэтрин тихо всхлипывала, потому что скучала по дому, а Кэти писала гневное письмо своей маме, которая изменила папе, и все остальные воспитанницы школы-пансиона для девочек занимались своими тайными делами на этом единственном пяточке, который принадлежал только им, пока я чертила карту звездного неба на покрытой веснушками руке.

Мое тайное занятие недолго оставалось тайным. Я делала это каждую ночь, и один слой синей ручки накладывался на другой и в какой-то момент уже перестал стираться. Чернила

просочились в поры моей кожи, и даже щетка, горячая вода и очень недовольная монахиня, Сестра Давайка (мы прозвали ее так за большую любовь к призывам, начинающимся со слов «Давай-ка...»: «Давай-ка воздадим благодарность и помолимся», «Давай-ка откроем книгу на странице семь», «Давай-ка потренируем броски из-под кольца» – она была еще и нашим баскетбольным тренером), не могли смыть их или отучить меня от этой привычки. На меня бросали косые взгляды в душевой, в бассейне, когда я носила короткие рукава. Странная девчонка с разрисованной рукой. «Это изображения небесных сфер, животных, мифологических героев и созданий, богов и предметов», – говорила я им, с гордостью протягивая руку и ни секунды не стыдясь своих рисунков.

В ответ мне читали лекции по отравлению чернилами. Снова и снова вызывали к школьному психологу. Добавляли круги на беговой дорожке. Они знали, что в здоровом теле здоровый дух, и пытались нагрузить меня занятиями, чтобы отвлечь от варварской склонности уродовать собственную кожу, но я воспринимала это как наказание. Пусть бегают кругами на стадионе, пока не свалится от усталости. Пусть девочка забудет о своей коже. Но разве человек может забыть о своей коже? Я в ней. И я – это она. Что бы они ни говорили, я не могла остановиться. Каждый раз, когда выключали свет и тишина прокрадывалась в комнату, словно туман с моря, я слышала знакомый зов кожи.

Я не стеснялась чернильных полос. И косые взгляды ме-

ня не смущали. Единственное, что меня раздражало, – шум, который они поднимали по этому поводу, а ведь отметины на руках были не только у меня. Дженнифер Ланниган резала себя бритвой, крошечные порезы покрывали ее ноги. У меня была возможность разглядеть их на уроках английского языка – светлую полосу между ее серыми носками и серой юбкой. Нам не позволяли носить косметику в школе, но после уроков Дженнифер подводила глаза белым карандашом, красила губы черной помадой, сама проколола себе губу, слушала сердитые песни сердитых дядек, и по какой-то причине, глядя на ее внешний вид, мы считали это совершенно приемлемым – что она делает с собой такие чудовищные вещи.

Но я не была готом, и никто не находил психологического объяснения рисункам на моей коже. Комендант интерната обшаривала мои личные вещи и отбирала все мои ручки, которые благополучно возвращала мне утром, перед уроками, и снова отбирала после учебы. Люди смотрели на меня с опаской, когда я брала ручку, так обычно смотрят на детей с ножницами. Так что без ручек я неожиданно для себя оказалась в одной лодке с Дженнифер. Я никогда не понимала этого желания причинять себе боль, но разве не все средства хороши? Я наловчилась использовать заостренный угол линейки, чтобы царапать линии от веснушки к веснушке. Я знала, что сами веснушки трогать нельзя, меня уже предупреждали, как опасно сдирать родинки и веснушки. Со вре-

менем я заменила линейку более острыми предметами: циркуль, бритвой... и довольно скоро, придя в ужас от того, что она увидела на моей коже, комендант все-таки вернула мне ручки. Но было поздно, я уже потеряла к ним интерес. Боль мне никогда не нравилась, но кровь оставляла более стойкий след. Затвердевшие корочки между веснушками были намного заметнее, и теперь я не только видела созвездия, но и чувствовала их. Они щипали на открытом воздухе и саднили под одеждой. Но было в них что-то утешающее. Я носила их как доспехи.

Я больше не царапаю кожу, но мне уже двадцать четыре, а созвездия все еще можно разглядеть. Когда я переживаю или злюсь, я ловлю себя на том, что провожу пальцами по выпуклым шрамам на левой руке, снова и снова, в правильной последовательности, от одной звезды к другой. Соединяю точки, разгадываю тайну, восстанавливаю цепочку событий.

Меня прозвали Веснушкой с первой учебной недели, когда я приехала в школу в двенадцать лет, и до восемнадцати, когда уехала. Даже сейчас, если я случайно сталкиваюсь с кем-то из школы, они до сих пор называют меня Веснушкой, а настоящее имя давно забыли или никогда не знали. Хотя ничего плохого они не имели в виду, думаю, я всегда догадывалась, что они видят во мне только кожу. Не темную или светлую, как у большинства из них, – такую светлую, что она отражала солнце. Не привычного цвета, который чаще всего встретишь в нашем городе Терлсе, а того цвета, о котором

они мечтали и использовали бутылки и спреи, чтобы добиться его, но больше походили на мандарин. У нас была масса девочек с веснушками, которые не получили это прозвище, но веснушки на темной коже – совсем другое дело. Меня это никогда не беспокоило, напротив, я приняла свое прозвище с радостью, потому что видела в нем тайный смысл.

Папина кожа белая, как снег, местами такая бледная, будто прозрачная, как бумажная калька с голубыми прожилками. Будто реки свинца. Волосы у него поседели и поредели, а когда-то были копной непослушных огненно-рыжих кудряшек. У него есть веснушки, розовые, на лице их так много, что, если бы они слились воедино, он засиял бы, как утренняя заря.

– Тебе повезло, что тебя прозвали Веснушкой, Аллегра, – говорил он, – меня обзывали только спичкой или, того хуже, писаным уродцем! – И хохотал во все горло. – Динь-динь-динь, моя голова горит, динь-динь-динь, ноль – один, – распевал он песню, которой его дразнили в детстве, а я подхватывала. Я и он – вместе против неприятных воспоминаний.

Свою маму я не знала, но мне говорили, что она иностранка. Экзотическая красавица, приехавшая учиться на ирландские берега. Кожа оливкового цвета, карие глаза, прямиком из Барселоны. Каталонка Карменсита Касанова. Даже имя звучит как сказка. И вот красавица встретилась с чудовищем.

Папа говорит, должно же у меня быть что-то от него. Если

бы у меня не было веснушек, он не смог бы претендовать на меня. Он шутит, конечно, но веснушки стали моей визитной карточкой. Поскольку, кроме него, у меня никого нет и никогда не было, мои веснушки связывают меня с ним удивительным образом. Они доказательство. Официальная печать небесной канцелярии, которая навеки сплела наши жизни. Свиристая толпа не сможет окружить наш дом, верхом на конях, с горящими факелами, и потребовать, чтобы он выдал ребенка, от которого отказалась мать. Смотрите, он ее отец, у нее такие же веснушки, как у него, видите?

Цвет кожи я унаследовала от мамы, а веснушки от папы. Он действительно хотел меня. В отличие от мамы, которая отказалась от меня ради целого мира, он отказался от целого мира ради меня. Эти веснушки – невидимая линия синих чернил, незаживающий шрам, который связывает меня с ним, точка к точке, звездочка к звездочке, веснушка к веснушке. Соединять их – как укреплять нашу связь с папой.

Глава вторая

Я всю жизнь мечтала вступить в Гарда Шихана¹, ирландскую полицию. Других планов у меня не было, и все об этом знали. В последний год школы все звали меня Детектив Веснушка.

Мисс Медоус, школьный консультант по профориентации, уговаривала меня получить образование в сфере бизнеса. Она считала, что все должны изучать бизнес, даже наши художницы, которые заходили к ней в кабинет со своими креативными, незаурядными мыслями и выходили так, будто их пролечили электрошоком, выслушав целую лекцию о преимуществах диплома по базовому курсу бизнеса. Надежное подспорье в тяжелые времена, говорила она. Поэтому бизнес ассоциировался у меня с матрасом – якобы он должен был смягчить падение. Но я с надеждой смотрела в будущее, никакие тяжелые времена меня не пугали, и я точно не собиралась падать. Ей так и не удалось заставить меня передумать, потому что другого места в этом мире я для себя не видела. Как оказалось, я ошибалась. Мое заявление в Гарда отклонили. Я была потрясена до глубины души. Будто мне дали под дых. Ошарашена. Никакого матраса на черный

¹ Ирл. Garda Síochána – дословно «Стража мира», государственная полицейская служба Ирландии. Полицейских в Ирландии называют garda – «стражи», «хранители». – *Здесь и далее прим. перев.*

день я не подготовила, но мне удалось кое-как взять себя в руки и найти приемлемую альтернативу.

Теперь я работаю парковочным инспектором в графстве Фингел. Ношу форму, серые брюки с белой рубашкой и желтый светоотражающий жилет, и патрулирую улицы, почти как настоящая гарда, полицейская. Я близка к своей цели. Я работаю в правоохранительных органах. Я люблю свое дело, мне нравится мой распорядок, режим, график. Мне нравится дисциплина и правила, когда все четко и понятно. Есть устав, и я следую ему неукоснительно. Мне нравится, что мне доверили такую важную роль.

Моя часть расположена в Малахайде, пригороде Дублина, возле моря. Красивое местечко, не для бедняков. Я живу в студии над тренажерным залом на заднем дворе особняка на зеленой дороге, граничащей с замком Малахайд и садами.

Хозяйка, Бекки, занимается компьютерами – чем именно, не знаю. Хозяин, Доннаха, работает дома в своей студии – милой комнате с окнами на сад, где он трудится на гончарном круге. Свои творения он называет сосудами. По мне, так обычные миски. Для сухого завтрака они не подходят, с трудом вмещают две пшеничные печеньки и недостаточно глубокие для молока, особенно учитывая, сколько выпитывают эти печенья. Я читала интервью с Доннахой в журнале «Айриш таймс», где он особо подчеркивает, что это никакие не миски и вообще это слово оскорбляет его до глубины души, настоящее проклятие его профессиональной жизни. Эти со-

суды несут в себе послание миру. До самого послания я не дочитала.

Он разглагольствует о каких-то глупостях, причем с таким отрешенно-задумчивым взглядом, будто его мучительные поиски смысла жизни кого-то интересуют. Слушать он не умеет, хотя от человека творческого я этого никак не ожидала. Я думала, они, как губки, впитывают все, что их окружает. Я ошиблась, но только наполовину. Он уже был переполнен таким количеством маразма, что ни на что другое места не осталось, и теперь он выливает весь этот поток информации на других. Творческое недержание. И кстати, за свои крошечные миски он берет минимум пятьсот евро.

Пятьсот евро – ровно столько составляет моя ежемесячная плата за квартиру. Почему так мало? Потому что я сижу с их тремя детьми, когда им нужно отлучиться. Обычно три раза в неделю. И всегда в субботу вечером.

Я просыпаюсь и поворачиваюсь к своему айфону – 6:58, как всегда. Пора вспоминать, где я и что происходит. Мне кажется, опережать телефон на один шаг по утрам – хорошее начало дня. Две минуты спустя звенит будильник. Папа отказался от смартфона, он считает, за всеми нами следят. Он не делал мне прививки – и не потому, что боялся за мое здоровье, у него была целая теория о том, что нам под кожу вживляют чипы. Как-то он привез меня в Лондон на неделю в честь моего дня рождения, и почти все это время мы простояли перед посольством Эквадора, скандируя имя

Джулиана Ассанжа. Полиция дважды прогоняла нас. Джулиан выглянул и помахал нам, и папа решил, что между ними произошло нечто эпохальное. Безмолвное взаимопонимание двух людей, которые разделяют веру в общее дело. Власть – народу. Потом мы пошли посмотреть «Мэри Поппинс» в Вест-Энде.

В семь утра я уже в душе. Завтрак. Одежда. Серые брюки, белая рубашка, черные ботинки, дождевик на случай непредсказуемой апрельской погоды. Мне нравится думать, что в этой униформе меня могут принять за гарду. Иногда я представляю, что я гарда. Нет, я не притворяюсь полицейским, это противозаконно, я делаю это только в мыслях и говорю, как они. У них такой гордый вид. Такой авторитет. Они твои защитники и друзья, когда нужна их помощь, и злейшие враги, когда ты нарушаешь закон. Они сами выбирают, кем быть, в зависимости от ситуации. Волшебство! Даже новобранцы, безбородые юнцы, умеют делать суровый, умудренный опытом взгляд полнейшего разочарования. Будто видят тебя насквозь и знают, что ты способен на большее, а ты – поганец такой! – обманул их ожидания. Простите, простите, я больше не буду. А девушки-гарда – огонь, с ними шутки плохи, зато лучшего напарника не найти.

Мои волосы длинные, жесткие и такие темные, что отличаются синевой, как бензин, и чтобы их высушить, уходит целый час, поэтому я мою голову только раз в неделю. Я собираю их в пучок, прячу под фуражку, которую натягиваю как

можно ниже на глаза. Вешаю на плечо парковочный терминал. Готова.

Я выхожу из гаража, перестроенного в спортзал, в пятидесяти ярдах от дома, отгороженного огромным садом, который спроектировал известный ландшафтный дизайнер. Дорога от моей квартиры петляет через тайный сад – мне разрешается ходить только этим путем, – огибает дом и выходит к боковой пешеходной калитке с кодом 1916 – это год восстания ирландских республиканцев против англичан, и выбрал его Доннаха Макговерн из Баллиджеймсаффа. Жаль, Патрик Пирс уже не увидит, как много он делает для республики. Лепит миски на заднем дворе.

Первый этаж напротив меня почти полностью прозрачный. Раздвижные двери от пола до потолка открываются словно в каком-нибудь ресторанчике летом. Между садом и домом границы размыты. И уже непонятно, где заканчивается одно и начинается другое, и голова идет кругом. Вот такая дизайнерская дурь. Мне видны все комнаты. Как в рекламе пылесоса «Дайсон». Белые круглые футуристические штуковины в каждой комнате – они либо всасывают воздух, либо выдувают его. А сейчас эта стеклянная стена лишь демонстрирует беспорядок на кухне, по которой мельтешит Бекки, стараясь собрать своих детей в школу, прежде чем она уедет на работу в город. Про себя я называю ее самодовольной дурой. Это одна из тех женщин, которые каждую неделю закупаются кудрявой капустой и авокадо. Чихают исключитель-

но семенами чиа, а испражняются гранатовыми зернами.

Они жалеют меня – они в своих просторных особняках, и я в однокомнатной каморке над спортивным залом. На их заднем дворе. В светоотражающем жилете и легкой защитной обуви. Ну и пусть жалеют. Моя комната стильная, чистая и теплая, и в любом другом месте мне пришлось бы платить столько же, чтобы делить квартиру еще с тремя соседями. В моем положении можно оказаться, только если потерять все. Так думают они. А я, наоборот, отказалась от всего, что у меня было, ради этого. Так думаю я.

Мне не одиноко. По крайней мере не всегда. И я не бездельничаю. По крайней мере не всегда. Я присматриваю за папой. Делать это на расстоянии в двести пятьдесят миль не всегда просто, но я сама решила жить здесь, далеко от него, – чтобы стать ему ближе.

Глава третья

Я стараюсь не смотреть на кухню, проходя мимо, но Бекки вопит как полоумная, чтобы все поторапливались, и я невольно поворачиваю голову и вижу кухонный стол, замызганный молоком, заваленный коробками из-под сока и хлопьев, ланч-боксами; полуодетых детей; орущий мультфильм по телевизору. Бекки тоже еще не одета, такое с ней редко случается; она в пижамных шортах и футболке с кружевной отделкой, без лифчика, ее груди висят низко и колыхаются из стороны в сторону. Вообще-то она довольно стройная, почти каждый день с шести до семи утра занимается в спортивном зале под моей спальней. Она одна из тех женщин, которых восхваляют женские журналы. Все делает с надрывом, ради показухи. Почему-то, когда я думаю об этом, то представляю себе Майкла Джексона с его знаменитой лунной походкой. Нарушающей законы тяготения. А потом заявили, что его ноги были приклеены к сцене и все это обман.

Доннаха сидит на высоком стуле за столешницей, уткнувшись в телефон, будто вокруг ничего не происходит. Ему куда торопиться. Он отвезет детей в школу, а потом будет возиться со своими мисками в мастерской. И как раз в тот момент, когда я решила, что опасность миновала, благополучно дошла до передней стороны дома и ступила на длинную подъездную дорожку, заставленную их дорогими маши-

нами, где роскошные, словно дворцовые, ворота защищают дом и дикие кролики бросаются наутек при моем приближении, Бекки позвала меня по имени. Я закрыла глаза и вздохнула. На секунду я задумалась, не удастся ли улизнуть, притворившись, что я не услышала ее, но так нельзя. Я оборачиваюсь. Она стоит у парадного входа. Ее соски затвердели на свежем воздухе и торчат теперь под тонкой футболкой. Одну грудь она старается спрятать за дверью.

– Аллегра, – зовет она, потому что так меня зовут. – Сможешь посидеть с детьми вечером?

Сегодня я не должна сидеть с детьми, и вообще я не в настроении. Неделя выдалась тяжелая, и я устала больше чем обычно. Провести вечер с детьми, которые тихо занимаются своими делами у себя в комнате или сидят неподвижно, уткнувшись в компьютерные игры, совсем необременительно, но все же лучше отдохнуть в одиночестве. Если я скажу ей, что не могу, а потом она увидит меня в моей комнате, то мне все равно не удастся отдохнуть.

– Извини, что не предупредила заранее, – добавляет она, давая мне повод отказаться, но, прежде чем я успела воспользоваться им, она решительно напоминает, что уже почти первое мая. – Нужно обсудить арендную плату, – говорит она неожиданно деловым тоном. – Помнишь, я говорила, что мы пересмотрим плату через шесть месяцев.

Такая уверенная в себе, категоричная, хоть и прячет за дверью торчащие соски. Звучит как угроза. Единственный

раз, когда я не смогла ей помочь с детьми, – я ездила к папе, о чем заранее ее предупредила. Я всегда доступна, только не говорю об этом.

– Насчет пересмотра арендной платы, – говорю я, – без проблем. Но я все равно не смогу посидеть с детьми, у меня планы на вечер. – Как только я это сказала, я сразу поняла, что теперь придется придумать планы, а это так раздражает.

– Что ты, Аллегра, я вовсе не это имела в виду, – говорит она испуганно на мой намек о том, что обсуждение арендной платы – завуалированная угроза. Не такая уж и завуалированная, кстати, прозрачнее, чем ее пижама. Честно говоря, людей всегда видно насквозь – и голову ломать не надо.

– Удачи тебе с твоими планами, – сказала она, прежде чем закрыть дверь, тряся грудью и все такое.

Я не могу позволить себе платить за квартиру больше, даже немного, но съехать я тоже не могу позволить себе. Я еще не сделала то, ради чего приехала.

Наверное, надо было согласиться посидеть с детьми.

Чтобы добраться до поселка, я иду через парк замка Малахайд: старые деревья и благоустроенные тропинки. Скамейки с медными табличками в честь тех, кто прогуливался здесь, сидел здесь и смотрел направо и налево. Безукоризненные клумбы с цветами, без единой крошки мусора. То тут, то там мелькают серые белки. Любопытные малиновки. Озорные кролики. Черный дрозд пробует голос с утра. Впол-

не приятное начало дня. Обычно я встречаю одних и тех же людей в одних и тех же местах. А если нет, то значит, они опаздывают – или я. Мужчина в деловом костюме, с рюкзаком и огромными наушниками. Женщина с неестественно красным лицом на пробежке, ее мотаает из стороны в сторону так, что она вот-вот навернется. Тоже все делает через силу, для показухи. Не понимаю, как ей это удастся. Держаться на ногах, не сдаваться. Первые несколько дней она украдкой бросала на меня взгляд, будто заложник, умоляющий спасти ее от собственных амбиций, а теперь она как зомби, тупо смотрит в пустоту и гонится за тем, что не дает ей сойти с дистанции, – за невидимой морковкой на палочке. Есть еще немецкий дог со своим хозяином, за ними старик, опирающийся на каталку, и молодой парень, по виду его сын. Они оба здороваются со мной, а я с ними.

Моя смена начинается в восемь утра и заканчивается в шесть вечера. В поселке относительно спокойно, пока родители не начнут развозить детей в школу, и вот тогда хаоса не миновать. Каждое утро перед работой я захожу в булочную на Мейн-стрит – в «Деревенскую пекарню». Владельца зовут Спеннер. У него всегда найдется время поболтать со мной, потому что я прихожу рано, еще до того, как набежит толпа. Ровно в 7:58, когда прибывает пригородный поезд и все скопом заваливаются к нему за кофе. Он работает с пяти утра, печет хлеб и слойки. Его почти не видно за прилавком, который ломится от десятков разных сортов хлеба и булочек,

скрученных и плетенных, пышных и блестящих, усыпанных кунжутом, маком и семечками подсолнуха. Они здесь главные, для них выделено почетное место над стеклянной витриной с выпечкой. Он просит, чтобы я называла его Спеннером, хотя на дублинском сленге это значит идиот. Он сделал что-то очень глупое, еще когда учился в школе, с тех пор к нему и приклеилось это прозвище. А может, и не один раз – я знаю, что он сидел в тюрьме. Он говорит, что именно там и научился печь. Я рассказала ему, что когда-то у меня тоже было прозвище, в школе меня называли Веснушкой. И он решил называть меня именно так. Я не против. После переезда в Дублин было даже приятно слышать мое привычное прозвище, будто кто-то здесь меня знает.

– Доброе утро, Веснушка, тебе как обычно? – спрашивает он, не отрывая глаз от теста, которое он проводит через аппарат и складывает слоями. – Датские слойки, – говорит он еще до того, как я делаю заказ, – с яблоком и корицей. Чертова машина сломалась утром. Они будут готовы только к обеду. Пусть ждут.

Он всегда говорит о клиентах как о врагах, будто они мечтают довести его до могилы. Я тоже клиент, но меня это не оскорбляет; мне приятно, что он разговаривает со мной так, будто я не одна из них.

Он снова складывает тесто, еще один слой. Белый и пухлый. Напоминает мне живот Тины Руни, когда она вернулась в школу после родов и ее кожа свисала вокруг шрама от ке-

сарева сечения двойным слоем, будто сырое тесто. Я видела ее в раздевалке, когда она стягивала спортивную футболку через голову. Это было такой экзотикой. Девочка нашего возраста, которая родила малыша. Она виделась с ним только по выходным, и ее огороженная спальня была обклеена фотографиями крошки. Вряд ли кто-то из нас догадывался, как ей было тяжело. Изю дня в день она проживала две совершенно разные жизни. Она сказала мне, что переспала с парнем на музыкальном фестивале «Электропикник». В ее палатке. Когда на главной сцене выступала группа «Орбитал». Она даже имени его не знала и телефон не взяла и в следующем году собиралась снова поехать туда и поискать его. Интересно, ей удалось его найти?

– Проклятый Свистун устроил мне сегодня разнос по поводу пирожных, – говорит Спеннер, возвращая меня из воспоминаний. И продолжает, не глядя на меня: – Каков наглец, ты только посмотри, он еще, видите ли, недоволен, чем его кормят на завтрак. Пусть спасибо скажет, что не сидит голодный, – последние слова он говорит громко, через плечо, глядя на дверь.

Я смотрю на улицу, где бездомный Свистун сидит на приямом куске картона, завернутый в одеяло, с горячим кофе в одной руке и фруктовым сконом – в другой.

– Ему повезло с тобой, – говорю я Спеннеру, и он немного успокаивается, вытирает лоб, бросает кухонное полотенце на плечо и подает мне кофе с вафлями.

– Ума не приложу, куда все это девается, – говорит он, посыпая вафли сахарной пудрой и заворачивая их в газету.

Он прав, я ем что хочу и не толстею. Наверное, потому что много хожу каждый день, на дежурстве, или из-за маминых генов. Она вроде бы была танцовщицей. Или хотела быть. Так она и познакомилась с папой – она училась на факультете сценических искусств, а он преподавал музыку. Возможно, она все же получила то, о чем мечтала. Очень на это надеюсь. Я бы не хотела пожертвовать кем-то ради целого мира и остаться ни с чем. Слишком несправедливо для этого кого-то.

Два евро и двадцать центов за кофе и вафли, утренняя отрада. Меньше половины того, что пришлось бы заплатить в «Инсомнии» или «Старбаксе» дальше по улице. Настоящая пекарня сражается с этими коммерческими сетями, мать их, и лучше не заводить об этом разговор при Спеннере.

– Я тут торчу с пяти утра каждый день... – и пошло-поехало.

Обычно Спеннер довольно жизнерадостный, в его пекарне меня всегда ждет приятное начало утра и самый содержательный разговор за весь день. Он обходит прилавок, достает сигареты из переднего кармана фартука и выходит на улицу.

Я сажусь на высокий стул возле окна и смотрю, как постепенно оживает Мейн-стрит. Цветочница выставляет свой товар на тротуаре. Магазин игрушек открыли, витрина вручную украшена новыми цветами, кроликами и яйцами – ско-

ро Пасха. Оптика все еще закрыта, как и винный магазин, канцелярские товары, юридическая контора. Кофейни потихоньку просыпаются. Но Спеннер опережает их каждое утро.

На другой стороне улицы, в кафе «Хот-дроп», девушка выставляет грифельную доску с рекламой омлета и морковного пирога. Медленно, но уверенно она дополняет меню все новыми пирожными. Раньше тут продавались только тосты. Удивительно, зачем она вообще старается, у него все равно лучше. Спеннер наблюдает за ней, прищурившись. Она с тревогой машет ему, он кивает едва заметно, затягиваясь сигаретой и прикрывая глаза.

– Сегодня пятница, – говорит Спеннер, выпуская дым из уголка рта и произнося слова так, будто у него случился инсульт. – Вечером сходишь куда-нибудь?

– Да, – говорю я, повторяю ложь, которая началась с Бекки.

Я уже решила, осталось только придумать, куда пойти. Я спрашиваю, какие у него планы на выходные.

Он оглядывает улицу, словно на дворе 1950-е и он преступник, который готовится к ограблению.

– Схожу к Хлое.

Хлоя – мать его дочери, Хлоя – женщина, которая не разрешает ему видеться с дочерью, Хлоя, которая вечно сидит на диетах, но не худеет, не может жить без солпадеина, Хлоя чудовище. Он затягивается сигаретой, втягивая щеки.

– Я должен поговорить с ней и положить этому конец. Она

обязана меня выслушать, лицом к лицу, один на один, чтобы никто не встревал со своим мнением и не сбивал ее с толку. Как ее сестры. – Он закатывает глаза. – Ты же меня понимаешь, Веснушка. Она будет в «Пилоте» на празднике в честь крестин, и, если я случайно окажусь поблизости, почему бы мне не зайти туда, я и раньше там бывал, мой друг Даффер живет за углом, вот я и схожу вместе с ним, возьмем пару пинт, честно, без обмана, так что ей придется поговорить со мной.

Я никогда не видела, чтобы кто-то вдыхал табачный дым, как он, долго и глубоко, чуть ли не четверть сигареты зараз, а потом только смахивает пепел. Вот сигарета полетела прямо под ноги женщине, она фармацевт, я ее узнала, она водит синий «фиат» и паркуется возле замка Малахайд. Она вскрикнула от неожиданности – сигарета чуть не попала в нее, и сердито смотрит на него, затем, испугавшись его роста и выражения лица – с таким пекарем лучше не шутить, – идет своей дорогой. Свистун недовольно присвистывает, – половина чинарика пропала по чем зря, – затем, шаркая, подходит к еще не потухшей сигарете, выуживает ее из кювета, и возвращается на свою картонку.

– Ах ты, крыса, – говорит ему Спеннер, но дает ему новую сигарету, прежде чем вернуться в пекарню.

– Будь осторожнее, Спеннер, – предупреждаю я озабоченно. – Прошлый раз, когда ты виделся с Хлоей, ты поругался с ее сестрами.

– Три уродины, – говорит он. – Вместо лиц капуста квашеная.

– И она пригрозила тебе судебным запретом.

– Да она и слов таких не знает, – смеется он. – Все будет хорошо. У меня есть полное право видеться с Арианой. Ради этого я готов на все. И если быть паинькой – последняя надежда, значит, буду паинькой. Я умею играть в эти игры.

Пассажиры утреннего поезда хлынули со станции на Мейн-стрит. Скоро в маленькой пекарне негде будет протолкнуться, и Спеннер будет в одиночку подавать кофе, выпечку и сэндвичи, торопясь изо всех сил. Я допиваю кофе и проглатываю последний кусочек вафли, смахиваю пудру с губ, бросаю салфетку на стол и ухожу.

– Двигай отсюда, Свистун! – кричит на него Спеннер. – Ты испортишь аппетит моим клиентам, все равно никто из них не даст тебе ни цента.

Свистун медленно поднимается, подбирает свои вещи, картонную подстилку и, шаркая, уходит за угол и дальше по старой улице. Ветерок доносит до меня его нестройную песенку.

Мой рабочий день начинается с местных школ. Мало места, слишком много машин. Уставшие, взвинченные родители тормозят там, где нельзя тормозить, паркуются там, где нельзя парковаться, прячут пижамы под кардиганы и пальто, надевают кроссовки с деловым костюмом, все заморочены своими проблемами, торопятся доставить детей в школу,

прежде чем поехать на работу, – и дети, полусонные, с рюкзаками больше, чем они сами, на них орут, чтобы поторапливались и выходили из машины. Лишь бы кто-нибудь, ради всего святого, забрал у них этих детей, чтобы они могли заняться своими делами. Каждое утро я выслушиваю ругательства одних и тех же психопатов, которые паркуются в два ряда. Дети не виноваты. И я не виновата. Никто не виноват. Но я все равно должна делать свою работу – патрулировать.

В первую очередь я бросаю взгляд на свободное место перед салоном красоты, которое в ближайшие полчаса займет серебристый БМВ третьей серии 2016 года выпуска. Я заглядываю в окно небольшого салона, там темно и пусто, закрыто до девяти утра. В это время машина паркуется на свободное место перед салоном. Я оборачиваюсь и смотрю на водителя – мужчина выключает мотор и отстегивает ремень безопасности. Он не сводит с меня глаз. Затем открывает дверь, ставит одну ногу на мостовую и удивленно смотрит на меня.

– Разве здесь нельзя парковаться? – спрашивает он.

Я качаю головой, и, хотя я не изображаю из себя полицейского, мысленно я чувствую себя именно так и никак иначе. Полицейские не обязаны ничего объяснять.

Он закатывает глаза, прячет ногу обратно в машину, пристегивается и включает мотор, глядя на знак растерянно и раздраженно.

Я жду, пока он уедет.

Еще только восемь утра. Платная парковка начинается с

8:30. Нет ни одной законной причины, по которой он не может здесь парковаться.

Но ведь здесь всегда паркуется она.

Каждый день.

Это ее место.

И я защищаю его.

Глава четвертая

С девяти утра и до полудня фиксирую нарушения правил парковки. Машины на разгрузочных площадках мешают грузовикам доставить товары, вызывая заторы на узких улицах поселка. Штрафы за автомобили, брошенные еще с прошлой ночи, когда водитель напился, доехал до дома на такси, а на следующий день не вернулся за машиной и не оплатил парковку. Сегодня их больше, чем в другие дни, в четверг вечером все обычно гуляют. В воскресенье парковка бесплатная. Могут творить что хотят.

В общем, дел невпроворот.

Я прохожу мимо серебристого БМВ перед салоном. Она заняла свое место. Можешь не благодарить. Парковка оплачена. Разрешение на парковку по месту работы лежит там где надо, на приборной панели. Регистрация оформлена правильно. Молодец. Большинство забывает уведомить местные органы, когда покупают новую машину. А это правонарушение, и они получают за это штраф. БМВ соблюдает закон безукоризненно. Шестьсот евро за годовую регистрацию. Зарабатывает она прилично. Собственный салон. Всего на шесть мест, но клиентов всегда полно. Два кресла для мытья головы, три кресла перед зеркалом. И небольшой стол со стулом возле окна для маникюра. Шеллак и гель. Она всегда здесь. Я замечаю, когда ее машины нет, переживаю, не заболела ли

она или кто-то из семьи, но наверняка я догадаюсь по лицам ее персонала, если случится что-то ужасное. Ее парковочные данные всегда безупречны, но я все же проверяю. Никто не совершенен. Регистрация на приборной панели, детское кресло на заднем сиденье.

На мгновение оно приковывает мое внимание.

В полдень мой маршрут проходит по Джеймс-террас – улице, заканчивающейся тупиком, с особняками в георгианском стиле, расположенными в ряд, теперь здесь только офисы, напротив теннисных кортов. Я люблю вид, который ждет меня впереди, если идти к поселку Донабейт, – рыбацкие лодки и парусники, голубые, желтые, коричневые и зеленые, напоминают мне дом. Мой родной город тоже прибрежный, правда он сильно отличается от Дублина, но морской воздух тот же, и это единственное, чем Дублин похож на мой дом. Города вызывают у меня клаустрофобию, а в этом пригородном поселке дышится намного легче.

Родилась я на острове Валентия, графство Керри, но школа-пансион, где я училась, находилась в Терлсе. Почти на каждые выходные я приезжала домой. Папа работал в Университете Лимерика, преподавал музыку, пока не ушел на пенсию, – давно это было. Он играет на виолончели и фортепиано и до сих пор дает уроки по выходным и летом в нашем доме, но его основная работа и увлечение, я бы даже сказала одержимость, – рассказывать о музыке. Представляю, какие лекции он читал, с его восторженным обожанием к любимому-

му предмету. Вот почему он назвал меня Аллегрой, что в переводе с итальянского значит веселая, хотя на самом деле это музыкальный термин – *allegro*, – который указывает на то, что произведение нужно играть быстро и оживленно. Для меня лучшая музыка на свете – когда папа напевает себе под нос. Он мог и до сих пор может промурлыкать так целых четыре минуты и тринадцать секунд из «Женитьбы Фигаро».

Он работал в Лимерике с понедельника по пятницу, пока я была в пансионе, а в пятницу вечером я садилась на поезд до Лимерика. Он встречал меня на станции, и мы вместе ехали домой, в Найтстаун на острове Валентия. Дорога до дома должна была занимать три часа, но с папой за рулем она опасным образом сокращалась, ведь скоростные ограничения – очередной инструмент контроля со стороны правительства. Стоило мне увидеть дом в пятницу вечером, тот момент, когда по мосту Портмаги мы попадали с материка на остров, меня окутывало удивительное чувство покоя. Я радовалась тому, что я дома, не меньше, а может, и больше, чем встрече с папой. Это же родной дом! Полный невидимых вещей, которые проникают в самую душу. Моя уютная постель, самая удобная подушка на свете, тиканье дедушкиных часов в прихожей, трещина на стене и причудливые формы, которые она принимает в разное время суток, когда на нее падает свет. Когда ты счастлив, даже то, что тебе ненавистно, можно полюбить. Например, как папа включает радио «Классик FM» слишком громко. Запах подгорелых тостов – но толь-

ко до того, как их придется есть. Как рычит бойлер, каждый раз, когда мы включаем кран. Как скользят по штанге кольца для шторки в ванной. Овцы в поле за нашим домом, на ферме Несси. Потрескивание угля в камине. Скрежет папиной лопаты по бетону в угольном сарае позади дома. Хлоп, хлоп, хлоп, трижды, всегда трижды, по вареному яйцу. Иногда я всем сердцем мечтаю оказаться дома. Но не здесь, у моря, где все напоминает о нем, а там, где о нем не напоминает ничто.

Кроме желтого песка и острова я вижу и другой знакомый желтый цвет. Канареечно-желтый «феррари» припаркован у восьмого дома на Джеймс-террас. Уверена, никакой регистрации на лобовом стекле нет, как и не было вот уже две недели. Я проверяю все машины по дороге к «феррари», но не могу сосредоточиться. Нужно добраться до желтого автомобиля, пока не появился хозяин, а то он уедет до того, как я выпишу штраф. Он снова перехитрит меня. Я бросаю другие машины и иду напрямик к желтому спортивному автомобилю.

Никакой регистрации на лобовом стекле. И парковочного талона нет. Я проверяю его номер на своем планшете. Ни одной оплаченной парковки онлайн. Уже вторую неделю он паркуется здесь, примерно на одном и том же месте, и каждый день я выписываю штраф. Каждый штраф обходится владельцу в сорок евро, и эта сумма вырастет на пятьдесят процентов через двадцать восемь дней, а если ее не уплатят еще через двадцать восемь дней, то начнется судебное разби-

рательство. Сорок евро каждый день в течение двух недель – это немало. Почти моя месячная плата за квартиру. Мне не жалко владельца. Я злюсь. Негодную. Будто надо мной намеренно издеваются.

Кто бы ни ездил на такой машине, наверняка дурак дураком. А как же иначе? Желтый «феррари». Или это женщина? Очередная показушница, с этой машиной она точно перестаралась, а может, ее в детстве уронили головой на пол. Я выписала штраф, сложила его и сунула под стеклоочиститель.

В обеденный перерыв я сажусь на скамью в переулке за теннисным клубом и скаутским клубом, прямо над морем. Сейчас отлив, и виднеются камни, покрытые илом, несколько пластиковых бутылок, одна кроссовка, соска торчит неестественно из скользких водорослей. Но даже в уродливом есть красивое. Я достаю из рюкзака ланч-бокс с обедом. Сырный сэндвич с хлебом из отрубей, зеленое яблоко (сорт «Гренни Смит»), горсть грецких орехов и термос с горячим чаем. Почти одно и то же каждый день и всегда в одном и том же месте, если погода позволяет. В ненастье я стою под крышей общественного туалета. В дождливые дни, как правило, работы больше, никому не хочется бежать к парковочному автомату и обратно к машине под дождем. Многие паркуются на разгрузочных площадках и в два ряда, включив аварийку, чтобы быстрее сделать свои дела. Но мои должностные инструкции от погоды не зависят.

Иногда я обедаю вместе с Пэдди. Он тоже парковочный инспектор, и мы делим между собой сектора в этом районе. Пэдди грузный, у него псориаз и перхоть падает на плечи, и он далеко не всегда попадает в нужный сектор в нужное время. Я радуюсь, когда его нет. Он только и говорит, что о еде, как он варит и жарит ее, в мельчайших подробностях. Может, истинный гурман оценил бы его рассказы, а мне странно слушать, как он сутками маринует и томит что-то там на медленном огне, пока он уплетает сэндвич с яйцом и майонезом и чипсы с сыром и луком с заправочной станции.

Кто-то громко ругается, хлопает дверца машины. Я оглядываюсь и вижу владельца желтого «феррари», он читает свой штраф за парковку. Так вот он какой. На удивление молодой. Хорошо, что моей улыбки не видно за сэндвичем с сыром. Обычно я не получаю никакого удовольствия от подобных вещей, в штрафах за неправильную парковку нет ничего личного, просто работа, но с этой машиной все по-другому. Он высокий, худощавый, мужчина-ребенок, чуть старше двадцати. В красной бейсболке. Похожа на бейсболку с надписью «Вернем Америке былое величие», но, присмотревшись, я вижу на ней символ «феррари». Точно придурок. Он сует штраф в карман, в его движениях чувствуется раздражение, негодование, злость, и открывает дверцу машины.

Я довольно посмеиваюсь.

Он никак не мог услышать меня, я сижу тихо, сэндвич с сыром приглушает мой смех, и я слишком далеко, через до-

рогу, но он будто чувствует, что за ним следят, оглядывается и замечает меня.

Кусок сэндвича вдруг превращается в настоящий кирпич у меня во рту. Я пытаюсь проглотить его, но вспоминаю – слишком поздно, – что еще не прожевала. Я давлиюсь, кашляю и отворачиваюсь от него, чтобы прочистить горло. Наконец мне это удается, и я сплевываю в салфетку, но крошки еще остались, и в горле першит. Я запиваю чаем и снова оглядываюсь на него – оказывается, он еще стоит и смотрит на меня. Он ни капли не встревожен, будто надеялся увидеть, как я задохнусь насмерть. Наконец он бросает на меня испепеляющий взгляд, садится в машину, хлопает дверцей и уезжает. На рев мотора оборачивается несколько человек.

Сердце бешено стучит.

Я была права. Придурок.

Глава пятая

После обеда мой маршрут идет вдоль прибрежной дороги. Здесь паркуются многие из тех, кто ездит на работу на поезде, будто это разрешено. Как бы не так; я быстро помогаю им усвоить урок. Они думают, что могут оплатить максимальное время, три часа, затем сесть на поезд по направлению в город, бросить машину здесь на весь день и вернуться в шесть вечера. Может, Пэдди и дает им поблажки, но я никогда. Я не поглажу по головке за такую безалаберность; они, видите ли, аванс выплатили. Платить нужно за все часы парковки, и никаких исключений, даже если хромаешь на обе ноги.

На обратной дороге к поселку я замечаю желтый «феррари» в нескольких метрах от того места, где он стоял раньше, и сразу чувствую приятное волнение. Это как играть в шахматы. Он сделал свой ход. Технически моя смена почти закончилась: уже 17:55. Парковочные автоматы работают до шести вечера. Пять минут оплатить невозможно, даже если очень захотеть, минимальное время – десять минут, и, хотя я педантично соблюдаю правила, я не заставляю людей переплачивать. С деньгами не шутят. Я оглядываюсь, нет ли водителя поблизости, вдруг он наблюдает за мной. Я натягиваю фуражку на глаза и чуть ли не бегу к машине. Смотрю на лобовое стекло, сердце бешено колотится.

Он заплатил. Впервые за все это время. Мой штраф сделал свое дело. Я сломала его. Допрос подозреваемого прошел успешно. Но парковка оплачена только до 17:05. В 14:05 он заплатил три евро за максимальное время – три часа, и меня бесит, что он надеялся получить еще один час бесплатно. Ничего не выйдет.

Прежде чем выписать новый штраф, я сканирую его номер, чтобы проверить, не оплатил ли он парковку онлайн. Нет.

Я цокаю языком и качаю головой. Да этот парень напрашивается на неприятности. Если бы он оставил предыдущий штраф на лобовом стекле, я бы не смогла выписать ему еще один. Он явно не собирается облегчить себе жизнь.

Я выписываю штраф.

И быстренько ухожу.

Рабочий день закончился, но я не могу пойти домой. Я сказала Бекки, что меня не будет, и теперь думаю, куда можно пойти в пятницу вечером в форме парковочного инспектора. Я покупаю рыбу с картошкой навынос и иду к замку Малахайд, где толпа подростков с подозрительно набитыми рюкзаками ищет укромное местечко, чтобы выпить тайком от всех.

Около девяти начинает темнеть, и дольше оставаться я не могу, территорию замка закрывают, к тому же мне скучно, я озябла и, честно говоря, не хочу портить себе целый вечер

из-за того, что я отказалась посидеть с детьми. Думаю, если они нашли себе другую няню, мне уже нечего опасаться.

Домой я возвращаюсь в 21:30. В окнах мелькают дети, родителей не видно, так что я не знаю, остались Бекки и Доннаха или нашли мне замену. Я стараюсь не шуметь, надеюсь, что меня не заметят и не скажут: «А, ты уже вернулась. Теперь-то мы можем уйти?» Я продрогла и устала, мечтаю о душе и пижаме.

Как только я захожу в спортзал, я сразу чувствую – что-то не так. Свет выключен, но в здании явно кто-то есть. Я не закрываю дверь за собой на тот случай, если это грабитель и мне придется спастись бегством. Я не очень-то переживаю, скорее всего, это Доннаха. Из спортзала можно попасть в его офис и на винтовую лестницу, которая ведет в мою комнату. Его офис прямо подо мной и используется исключительно для просмотра порно и мастурбации. И, возможно, для выставления счетов и хранения бухгалтерских книг.

В офисе никого нет, шум доносится сверху, из моей комнаты. Неужели я оставила телевизор включенным? Нет, это вряд ли. Слишком уж реалистичные звуки. Вздохи, стоны, охи, ахи. Кто-то занимается сексом в моей комнате. Лучше бы это были двое. Обнаружить там одного человека было бы еще неприятнее.

Первая мысль – это Бекки и Доннаха. Раз я отказалась сидеть с их детьми, они задумали проучить меня, кончив на мои простыни, пока меня нет, омерзительно избалованные

и сверхпривилегированные – знаю я их. Интересно, можно быть сверхпривилегированным или только привилегированным. Не знаю. Вторая мысль – там Доннаха. Может, Бекки все-таки ушла одна, а ему пришлось остаться. Может, он решил повеселиться без жены. Жена-показушница и забитый муж-обманщик – классика жанра. Противно даже думать, сколько раз он использовал мою комнату.

Я бесшумно поднимаюсь по спиральной лестнице, моя рабочая обувь, несмотря на ее дизайн, слишком массивная и тяжеловесная для слежки. Телефон наготове у меня в руке. Дверь в мою комнату приоткрыта, слишком уж глупая ошибка, наверняка это сделано намеренно. Не для того, чтобы их застукать, кому такое понравится, а чтобы услышать, если кто-то зайдет. Но с таким громких сексом невозможно услышать посторонних. Я как раз вовремя. Поднимаю телефон и снимаю, так все теперь делают, когда происходит что-то жестокое, опасное или необычное. Сначала снимай, потом думай. Смекалку мы давно растеряли. А вместе с ней сопереживание. Инстинктивную реакцию. Единственный инстинкт – снять видео, а думать и чувствовать как-нибудь потом.

Волосатая мужская задница ритмично двигается между загорелыми, упругими ногами, поднятыми высоко, широко раздвинутые бедра (какая растяжка!) она придерживает сама, собственными наманикюренными пальцами. Шеллак или гель, не знаю. Удивительная гибкость, и как мило с ее

стороны держать себя раскрытой для него. Настоящая лежи в постели. Я узнаю эти ногти, эти ноги. Это Бекки.

А это, значит, задница Доннахи. Приятно познакомиться.

Когда я понимаю, что это мои домовладельцы, мне уже не так забавно, что я застучала их, скорее противно. Это их собственность, но мое личное пространство, и они его нарушают. Если бы я могла выписать им штраф, я бы так и сделала. Я бы прилепила его прямо на эту волосатую задницу, надеясь, что, когда он сорвет штраф, ему будет больно до слез. Я выключаю телефон, тихо спускаюсь вниз и жду, когда они закончат, что и происходит вскоре – громко, с завидным пылом. Наверное, гордятся собой, какие они молодцы. Затем я снова поднимаюсь вверх, на этот раз не прячась, громко топаю уставшими ногами в тяжелых ботинках после долгого рабочего дня. Я дала им время хотя бы расцепиться, и надеюсь, они уже прикрылись. Я открываю дверь и усердно изображаю удивление на лице: во-первых, потому что дверь не заперта, ну и во-вторых, потому что на моей кровати творится такое безобразие.

– Боже мой, Аллегра, я думала тебя не будет вечером, – говорит Бекки; смехотворное оправдание, на мой взгляд. Как я посмела вломиться. Она завернута в одеяло, мое бирюзовое флисовое одеяло. На ее потном голом теле. Она вся красная, взбудораженная. Думаю, в основном из-за секса, а не из-за чувства стыда, которое было бы здесь уместнее. К моему удивлению, я смотрю на них с искренним потрясением, по-

тому что задница принадлежит вовсе не Доннахе. Мужчина, не Доннаха, смущен моим присутствием даже меньше, чем Бекки, – на самом деле он вообще не смущен. Он не спешит прикрыться, смотрит на меня с любопытством. Затем нагибается и подбирает одежду, выставив свою волосатую задницу и мошонку чуть ли не мне в лицо.

– Не могла бы ты выйти на минутку? – просит Бекки раздраженно, будто мне недостает такта, чтобы убраться отсюда. Я выхожу и спускаюсь вниз, в спортзал. Сажусь на гребной тренажер. Тихонечко раскачиваюсь взад-вперед, думаю.

Мужчина, который не Доннаха, проходит мимо меня, одетый в дорогой костюм, все еще ухмыляясь. Запах его геля после бритья вызывает у меня тошноту. А затем появляется Бекки, с моими простынями и одеялом, скомканными кое-как. И снова этот решительный тон.

– Аллегра, я была бы бесконечно благодарна, если бы ты помалкивала об этом. Иногда... бывает... это не то, что кажется... это личное, – говорит она наконец твердо, закрывая тему.

– Конечно, – говорю я, качаясь взад-вперед на тренажере. – Кстати, насчет арендной платы, – добавляю я, – поговорим сейчас или в другой раз?

Она ушам своим не верит. Как я могла такое сказать. Будто мои слова и мой тон, да еще в такой момент, в сто раз хуже, чем то, что я застала в своей комнате. Она смотрит на меня по-другому. С неприязнью. Отвращением. Ничтожество.

Придурочная.

– Арендная плата не изменится, – говорит она, бросая на меня строгий взгляд; больше нет вопросов. Все четко и понятно. Плата не изменится, а я никому ничего не скажу про волосатую задницу, которая не принадлежит Доннахе. Хотя я и так не собиралась.

– Я постираю это, – говорит она про простыни, неверной походкой выходя из спортзала, наверняка еще не пришла в себя после секса.

Я застилаю чистые простыни, бросаю свое любимое флисовое одеяло в угол. Придется открыть окно настежь, чтобы избавиться от запаха его геля после бритья, такого удушливого, будто он пропитал каждый дюйм моей комнаты. Наконец я ложусь, продрогшая после целого дня на улице и вечера в парке, но слишком уставшая, чтобы принимать душ.

Я пересматриваю видео несколько раз. Сначала я сняла это на телефон, а теперь пытаюсь разобраться, что же я чувствую по этому поводу.

Глава шестая

Я просыпаюсь от детских криков в саду. Сейчас десять утра, суббота, и я рада, что мне удалось отключить свой внутренний будильник, по которому я живу с понедельника по пятницу, и поспать подольше. Учитывая, что я обнаружила вчера у себя в спальне, я рассчитывала, что Бекки проявит ко мне особую заботу. Завтрак в постель, никаких шумных детей под моим окном, сниженная арендная плата. Или она хочет избавиться от меня? Шестилетний Киллин самый шумный. Уверена, он опять нарядился в платье принцессы. У него даже голос меняется, когда он надевает платье. Я сажусь в постели и выглядываю в окно. Так и есть. Сиреневое платье Рапунцель, длинный светлый парик и рогатый шлем. Забрался на крышу домика для игр, размахивает мечом, провозглашая скорую казнь своих братьев через отсечение головы.

Я сбрасываю одеяло и задеваю две пустые бутылки из-под вина на полу. Одно красное, другое белое. Помню, я никак не могла решить, какое открыть, и примерно в два часа утра, как раз когда закончился «Скалолаз» и началась «Тутси», я открыла красное вино. Голова кружится с похмелья, события прошлой ночи расплываются в памяти как мираж, и я бы сомневалась, что это действительно произошло, если бы не подтверждение – видео на моем телефоне.

Обычно я сижу с детьми каждый вечер субботы, но теперь даже не знаю, захочет ли Бекки куда-то идти, после ее внебрачных развлечений; наверное, ей придется, в конце концов ее муж тоже заслуживает своей доли счастья. Уверена, скоро все прояснится. Как бы то ни было, расслаживаться мне некогда, суббота – занятой день. Я принимаю душ, бреюсь повсюду и мажусь увлажняющим кремом. Одеваюсь. Голубые обтягивающие джинсы с высокой талией, порванные на коленях, черные военные ботинки и парка цвета хаки. Чуть смягчаю свой образ нежно-розовым свитером. Здороваюсь с детьми, притворяюсь убитой, когда Киллин протыкает меня мечом. Когда он убегает хохоча, я замечаю блестящие туфли принцессы под платьем. Я намеренно заглядываю в дом и ищу Бекки. Мне любопытно, как выглядит домашняя сцена после того, как потрахалась с другим мужчиной. Я осматриваю кухню, здесь все нормально. Как всегда. Она, конечно, молодец, нечего сказать. Доннаха, наверное, еще спит – у него ведь тоже выдалась веселая ночь. Может, он тоже был с кем-то. Может, у них такая договоренность. Может, и нет. Я не осуждаю, просто интересно. Раздвижные двери на кухню открыты. А вот и Бекки.

– Сегодня вечером я дома, – говорит она через открытые двери.

Значит, сегодня я свободна от детей. Видимо, накануне она сильно устала, ничего удивительного.

Я сажусь на автобус 42 на улице Малахайд и еду до са-

мого города, почти до конечной. Схожу на Талбот-стрит и несколько минут иду по направлению к Фоли-стрит, бывшей Монтгомери-стрит, прозванной Монто, в свою золотую пору с 1860-х по 1920-е это был крупнейший район красных фонарей в Европе. Я иду напрямиком к галерее Монтгомери, где выставляются современные ирландские художники, скульпторы и другие творческие личности, вижу Джаспера, – он владеет галереей на пару со своей женой, – он говорит с клиентом, и поднимаюсь по деревянным, замызганным краской ступеням на третий этаж. Здесь пустая комната. Оголенная, без обоев, с нелакированным полом, без прикрас и при этом настолько авангардная и трендовая, что вовсе не похожа на заброшенную. Это своеобразный сосуд для хранения вещей, как творения Доннахи, но намного полезнее. В галерее продают его миски, но я никогда не говорила им о нем, а ему об этом месте. Не хочется, чтобы он заявился, пока я здесь. Два широких окна наполняют комнату светом. Пол скрипит. Такое ощущение, будто комната перекошена. Ее используют для выставок, вечеринок, показов и презентаций, а сегодня – для сеанса с натурщиком, и этим натурщиком буду я.

В углу стоит ширма. Забавные изображения озорных херувимов, ласкающих себя. Юмор в стиле Женевьевы и Джаспера. Выставки и мероприятия затягиваются до утра, здесь собирается немало их друзей-художников, всякое случается. Сама видела.

Женевьева встречает меня наверху. Ее суровый внешний

вид резко контрастирует с внутренней мягкостью и изяществом, которые так хорошо мне знакомы. Простой черный пучок и челка, черные квадратные очки в толстой оправе, красная помада – всегда красная помада. Куртка в стиле милитари, с золотыми пуговицами, застегнутая до самого подбородка, водолазка, пояс тоже в военном духе стягивает ей талию. А под курткой выступают две огромных груди. На ней черная кашемировая юбка до колен и ботинки в стиле милитари. Все закрыто. Она не замечает или ее просто не волнует, что ботинки стучат и царапают скрипучие деревянные половицы. Женева родилась не для того, чтобы соблюдать тишину. Комната такая старая, что пол неровный. Мне приятно смотреть, как мольберты и стулья новичков катятся по полу в мою сторону. Ужас на их лицах, когда их краски с грохотом летят в обнаженную женщину. Приходится закреплять мольберты в трещинах между половицами, а ноги твердо ставить на пол.

Я дрожу. Окна открыты настежь.

– Прости, – говорит Женева, расставляя стулья и мольберты. – Вчера здесь творилось черт знает что, так накурено, хочу проветрить.

Я нюхаю воздух, говорю ей, что ничего не чувствую. Сейчас здесь тихо и спокойно, но могу представить, что тут было несколько часов назад, трепет тел, пот и все такое. Думаю, почти как в моей спальне накануне. Она принимает, чтобы проверить, права ли я.

– Ладно, закрою сейчас, – говорит она, громыхая к окну в своих ботинках; так и вижу ее в прошлой жизни, как она хватается винтовку, встает на одно колено и обстреливает солдат из укрытия – настоящий снайпер. На самом деле она просто закрывает окна.

– Сегодня будет двенадцать, – говорит она, – и никаких незваных гостей.

Незваные гости не допускаются после того раза, как один такой «пришелец» сунул руку в штаны, поедая меня глазами, вместо того чтобы рисовать. Женевьева, без лишних сантиментов, почти что выволокла его из здания, ухватив прямо за член. Мы улыбаемся друг другу, вспоминая тот случай.

– Что с него взять, – говорю я. – *Она сама виновата! Вы видели ее соски?* – я передразниваю его обиженные стенания, когда они выгоняли его взащей, с такой любовью и в то же время с такой ненавистью он винил мои соски в своем унижении.

– У тебя и правда замечательные соски, – говорит она, мельком взглянув на мою грудь.

Это комплимент. Она повидала немало обнаженных бюстов.

Я захожу за ширму и снимаю одежду. Пол ледяной, и моя кожа покрывается мурашками. Придется как-то согреться к началу сеанса, хотя они оценят затвердевшие соски и ареолы. Красота им не нужна, они жаждут деталей. Индивидуальности. Я втираю в кожу масло, хочу блеснуть. Мне несвой-

ственно тщеславие, но я стараюсь соответствовать определенным стандартам, а сухая кожа, отметины от носков и мурашки не в их числе. Не такие детали я хочу выставлять на показ. Женестьева предпочитает, чтобы я заняла свое место на небольшом возвышении только после того, как все соберутся. Она говорит, нет смысла мне мерзнуть из-за непунктуальных людей. Вообще-то я не снимаю халат, пока не сяду на подиум, но я понимаю ее.

Наконец все заняли свои места, только один стул остался без хозяина, но Женестьева никого никогда не ждет, и мы приступаем. Я не смотрю на их лица, пока не сниму халат и займу удобное положение. Шелковый халат, украшенный узорами, теперь висит на спинке деревянного стула, на котором я сижу, в стиле ар-деко, жестковатый, на мой взгляд, хорошо, что шелк его немного смягчает. Я обвожу взглядом аудиторию. Несколько знакомых лиц, одни приветливо смотрят на меня, другие бросают лишь беглый взгляд, словно я ваза для фруктов. Их интересуют тени и углы. Складки и дефекты. Детали и индивидуальность.

Новички осматривают ту часть моего тела, которая привлекает больше всего внимания. Мою левую руку. Все еще в шрамах после того, как подростком я вырезала созвездия на своей коже, соединяя веснушки. Думаю, именно поэтому Женестьева зовет меня снова и снова. Любопытная особенность, явный признак членовредительства. Серьезная дилемма для студентов – проигнорировать мои шрамы или, на-

оборот, использовать их. Некоторые выделяют их больше, чем они есть на самом деле, рисуют кричащие, уродливые, глубокие борозды на моей коже, а меня изображают в виде подбитой хрупкой птицы. Другие обозначают лишь едва заметные следы, царапины, маслом или карандашом; есть и такие, которые представляют меня отважной воительницей. Никто не видит в них созвездий. Конечно, некоторые их не видят вообще и скрупулезно вырисовывают веснушки и родинки или ямочки на моих бедрах. И, хотя именно я сижу обнаженной посреди комнаты, эти художники открывают о себе гораздо больше, чем я. Я отстранена, в своих мыслях. Но, признаюсь, под их взглядом я чувствую себя особенной. Я – тайна, которую им надо разгадать. Они рисуют мою оболочку, но при этом их собственное нутро просачивается на холст, выдавая их секреты. Творческое недержание. Это мне и нравится больше всего, когда я позирую обнаженной для художников – пока они изучают меня, я наблюдаю за ними.

Это и пятнадцать евро в час наличными.

Дверь медленно открывается, и кто-то заходит. Я не могу сдержаться, поворачиваюсь посмотреть. Стоило мне изменить позу, как кто-то тут же неодобрительно цокнул. Да пошел он.

– Простите, – говорит опоздавший молодой человек.

Он высокий и худощавый, в джинсовой рубашке, джинсах и кедах, похож на студента. Он краснеет из-за того, что помешал сеансу.

– Ничего, ничего, – говорит Женевьева раздраженно. – Джеймс, да? Мы начинаем в час дня, понятно, в следующий раз не опаздывайте, если вообще будет следующий раз. Можете сесть вон там.

Когда позируешь обнаженной, нет удобного положения, рано или поздно всегда что-то начинает болеть, но в начале сеанса я развернулась в сторону пустующего стула, к которому теперь направляется Джеймс, мои ноги чуть раздвинуты, но не потому, что я стесняюсь других: сама мысль о том, что запоздавший художник первым делом увидит мою вагину, забавляет меня. Должна же я хоть как-то развлекаться.

Джеймс пересекает комнату, перекошенный пол скрипит под каждым его шагом, и садится на высокий стул, ставит мольберт, у него все валится из рук, он смущается и ежится, вылитый Хью Грант. Идеальная сцена для романтической комедии и, возможно, начало новых отношений для меня. Дорогие внуки, я встретила с вашим дедушкой, когда он рисовал меня обнаженной. Он решил, что спасает меня, но на самом деле это я спасла его, и взгляните на нас теперь, через столько лет. Я смеюсь про себя. Он бросает взгляд на мое тело, быстро отворачивается. Я жду, когда он посмотрит на мое лицо. Он не смотрит. Продолжает готовить краски. Женевьева объясняет бытовые правила, и он мельком оглядывает меня, пока слушает ее, чешет нос, ерзает.

После двухчасового сеанса все показывают свои рисунки, скетчи, работы с самыми разными материалами.

Джеймс увидел во мне только женщину. Огромные, торчащие коричневые соски, утрированные ареолы и багровое буйство между ног. Я – наслаение разноцветных пигментов на холсте; жженая сиена, темно-желтая охра, угольно-черная сажа. На лице ни одной различимой черты, лишь схематичный набросок, пересечение линий. Я едва сдерживаю смех. С его места были лучше всего видны шрамы между моими веснушками, но он решил вообще не отмечать на своей картине эту особенность. Вряд ли он исключил их по доброте душевной, и не думаю, что ему не хватило времени, чтобы нарисовать мое лицо. Похоже, на какую бы женщину он ни смотрел, он видит только секс.

Некоторые. Хотя не все. Неодобрительно цокают.

В любом случае с детьми мне сидеть сегодня не надо, да и заняться больше нечем, так что я переспала с ним. Я бы сказала, мы ближе к эротическому нуару, чем к романтической комедии. И даже мысль о том, что в нашей интрижке есть хоть капля романтики, смешит меня.

Глава седьмая

Утро понедельника. Просыпаюсь в 6:58. Встаю в 7:00. Надеваю серые брюки и светоотражающий жилет. Иду мимо элегантного бизнесмена в наушниках. Женщины, которая бежит, заваливаясь на бок, словно Пизанская башня. Мимо немецкого дога с хозяином. Старика с каталкой и его молодой копии. Доброе утро, доброе утро, доброе утро. В 7:45 я в пекарне. Спеннер бросает взгляд на дверь, когда звонит колокольчик, и возвращается к делам.

– Здрбво, Веснушка. Тебе как обычно?

Он поворачивается ко мне спиной, чтобы залить тесто в вафельницу и включить кофеварку. Широченная спина в белой футболке, мускулистые плечи и татуировки на руках. Я никогда не разглядывала, что на них изображено, их так много, они синие и все переплетаются друг с другом. Он лихо управляется с кофе-машиной, делает сто дел одновременно, она шипит и хлюпает, а он крутит рычаги и стучит по ней как сумасшедший профессор. Затем поворачивается ко мне с моим кофе в руках.

– Вышло не по плану, Веснушка, – говорит он, ставя кофе на прилавок и возвращаясь к вафлям.

Сначала я подумала, что он напортачил с моим кофе, но кофе замечательный, поэтому я поднимаю на него вопросительный взгляд. Вокруг его правого глаза, чуть прикрытого,

виднеется ровный черный круг.

– Оказалось, у Хлои теперь новый ухажер, и если она думает, что этот парень будет жить с моей маленькой Арианой и видеть ее, когда ему вздумается, хотя я ее папа, то ее ждет большой сюрприз, я так и сказал ей. И все тут.

Он дает мне вафли. Про сахарную пудру он забыл.

– Веснушка, – говорит он, – это тощий мелкий засранец, тупоголовый недоумок, на пять лет моложе ее. А вдруг он педофил, кто его знает, я всего-то попросил проверить его в полиции. А вдруг он домогается Хлою только потому, что у нее ребенок, папочка должен проявить бдительность, защитить ее от извращенцев. Педофилы теперь повсюду. Грязные ублюдки.

– Ты так и сказал ей? – спрашиваю я, насыпая сахар в кофе. Два пакетика. Может, и вафли посыпать, пока он не смотрит? С сахарной пудрой, конечно, не сравнится. Если бы он перестал разглагольствовать о своих горестях, я бы попросила сахарную пудру. Мне небезразлична его судьба, но портить свой день из-за этого – нет, спасибо.

– Я сказал это ему, лично, – говорит он, потягивая шею, поднимая плечи, будто разминается перед очередной дракой, гордый, как павлин. Он пронзает воздух указательным пальцем и говорит: – Ты, сказал я ему, если ты чертов педофил, тебе конец.

– И он дал тебе в глаз?

– Я никак этого не ожидал, чтоб меня побили на крести-

нах. Как гром среди ясного неба. Треклятый гопник. А потом все сестры набросились на меня. Не лезь к нему, раскудахтались как насадки. Это мне нужен судебный запрет, чтобы он держался от меня подальше.

– Вряд ли это разумный шаг, – напоминаю я ему, – если он живет в одном доме с Арианой. Ты же хочешь с ней видеться.

– Ну да... – Он бросает кухонное полотенце на плечо, выходит из-за прилавка, достает сигарету из фартука и идет к двери.

– Мне очень жаль, Спеннер, я знаю, как ты старался, – говорю я, глядя, как он затягивается, еще больше прикрыв правый глаз, чтобы дым не попал. – Может, тебе обратиться к юристу, Спеннер? – говорю я. – У тебя же есть права.

– Какой смысл платить тупому юристу, – говорит Спеннер, выпрямляясь, – если я вполне способен разобраться с этим сам.

Свистун, сидя на своей картонке, завернутый в вонючее одеяло, отворачивается, хитро улыбаясь. Может, он и опустил дальше некуда, но соображает он неплохо. Свистун бросается за непотушенной сигаретой, которую Спеннер швыряет на тротуар. Он оставил больше, чем обычно. И не бросил далеко, как обычно. Добряк он все-таки.

Я смотрю на свои вафли. Я так больше не могу, не могу притворяться тем, кем я не являюсь.

– Спеннер, – говорю я, – ты забыл сахарную пудру.

И отдаю ему вафли, когда он возвращается за прилавок.

Я покидаю школьную территорию, оставляя оскорбления и убийственные взгляды позади, радуясь, что опять нет дождя. Легче работать, когда он не хлещет по лобовым стеклам так, что не разглядеть ни талоны, ни регистрации, или когда стекла запотевают или покрываются инеем и не удастся ничего прочесть. Пэдди частенько ленится проверять, но я-то знаю, что люди оставляют старые талоны, надеясь, что это сойдет им с рук. Если ты видишь белый талон на приборной панели, это еще не значит, что все хорошо; важны цифры.

Хотя по утрам у меня расписана каждая минута, фиксированного маршрута нет. Раньше был, когда я только начала, а потом как-то утром я шла быстрее, чем обычно, и добралась до очередного сектора на несколько минут раньше и застучала машину, припаркованную в неподобающем месте.

– Да я так каждый день паркуюсь, – сказал водитель, – обычно вы появляетесь не раньше десяти.

Зря он мне это сказал. В тот момент я поняла, что жители поселка отслеживают мои передвижения, а я вовсе не хочу быть предсказуемой. Пусть не теряют бдительности. И нет, я не чувствую себя всемогущей, как утверждают некоторые, это они выставляют себя полнейшими идиотами. Столько возни, лишь бы не платить один евро за час парковки. Для них это всего один евро, но в сумме получается неплохая помощь окружному совету. Без нас им было бы хуже. Так сказал мне Пэдди, когда мы проходили обучение.

– Без нас, – сказал он, – здесь начался бы настоящий бедлам.

Я сама не заметила, как направилась напрямиком к Джеймстеррас. Я убеждаю себя, что меня манит успокаивающий морской пейзаж, но я-то знаю, что дело в желтом «феррари». Мне любопытно, меня странным образом тянет сюда. Хотя я надеялась увидеть машину, я все равно удивилась, обнаружив ее на своем месте в столь ранний час. Мне казалось, такие люди, как он, валяются в постели до полудня. На это намекает не только модель автомобиля, но и цвет. На пустой дороге одиноко по утрам. Еще несколько машин стоят у тротуара, но эта тихая сторона улицы оживает только после девяти. Возможно, она стоит здесь со вчерашнего вечера, но вряд ли кто-то оставит такую машину без присмотра на целую ночь. Если только сильно напьется.

Полицейские автомобили припаркованы на своих местах. Я даже не смотрю на их лобовые стекла, это было бы оскорбительно для них. Я дотрагиваюсь до фуражки, кивая молодой женщине-полицейскому через окно, думаю, что на ее месте могла быть я, гадаю, какая часть моего заявления решила мою судьбу, хотя прекрасно понимаю, что это было собеседование.

– Ты и я, мы не похожи на остальных, – сказал мне однажды папа, когда я в очередной раз расстроилась из-за разговора с кем-то. Эти слова принесли и боль, и облегчение. Я знала, что он прав. И с тех пор ничего не изменилось. Я

всегда все делаю не вовремя. Как с сахарной пудрой и Спеннером. Человеческие взаимодействия – для меня как танец, ритм которого мне никак не удается уловить.

Я не спешу подходить к машине. Стою неподалеку и наблюдаю за зданием, перед которым она припаркована. Номер восемь. Тут шел полномасштабный ремонт весь прошлый год, с тех пор как я работаю; контейнер для строительного мусора, грузовики и фургоны перегораживали дорогу. Они создавали заторы и мешали припарковаться работникам соседних офисов. Мне приходилось выслушивать их сетования и выписывать штрафы.

На этой улице стоят дома в георгианском стиле. Номер восемь – четырехэтажный, с подвалом. Высокие потолки, гигантские окна, узорчатые карнизы, вид на теннисный клуб, а слева – на море, замысловатая лепнина на потолках. Представляю, как тяжело будет вытирать там пыль, особенно если слуг нет. И все же «феррари» не сочетается с этим зданием. Изысканная классика и кричащая безвкусица. Дом купили за два миллиона евро, я смотрела онлайн, умирая от любопытства, что же там внутри, и нашла фотографии, когда он был выставлен на продажу. Как почти все здания на улице, его разбили на офисы – по комнатам и по этажам. На одном этаже была парикмахерская, наверху интернет-кафе, акупунктура и ногтевой салон, китайский ресторан в подвале. Дом был обшарпанный и старый. Пришлось все переделывать, модернизировать, прокладывать новые трубы, новое

отопление, все новое. Такое здание – бездонная бочка, кто знает, сколько на него потратили в общей сложности.

Мусорного контейнера и строителей уже нет, и, похоже, компания, которая здесь расположилась, работает уже две недели, и, кстати, компания только одна, с блестящей золотой табличкой и надписью «Кукареку Inc». Что за черт! Я натягиваю фуражку на глаза, прячу руки в карманы и продолжаю свой маршрут.

Сердце бешено колотится. Сама не знаю почему, я никогда не боялась выписывать штраф. Я инспектор, и это мое право, но, признаюсь, вчерашний штраф всего за пять минут до конца рабочего дня, был не совсем справедлив. Ну и что? Все по закону. Это моя работа. Я направляюсь прямо к «феррари», прекрасно понимая, что меня видно из высоких окон. Сердце выпрыгивает из груди, то ли это страх, то ли возбуждение, но еще никогда я не чувствовала ничего подобного на работе.

Меня ждет большой сюрприз. Я смотрю на лобовое стекло. Пусто. Глазам не верю. После двух штрафов вчера он решил сегодня вообще не платить.

Никакого талона на приборной панели.

Никакой регистрации или разрешения, которое компании покупают для упрощенной парковки на весь день, на весь год.

Я сканирую номера. Онлайн он тоже ничего не оплачивал. И приложением не пользовался. Уж куда проще.

Да он издевается надо мной, вот что. Это насмешка. Что ж, сейчас мой ход.

Обычно я даю клиенту пятнадцать минут форы, прежде чем выписать штраф. За это время он успеет до паркомата и вернуться к машине, своеобразное джентльменское соглашение. И я придерживаюсь его. Но с тех пор, как желтый «феррари» купил первый талон за день, никаких пятнадцати минут не прошло. Он вообще ничего не покупал, и точка. Паркоматы в этом районе работают с восьми утра. Сейчас почти девять. Мне кажется, фора у него была солидная. Больше времени, чем я даю остальным.

Но не успела я внести информацию в свой терминал и выписать штраф, как внезапный шорох за спиной заставляет меня вздрогнуть.

– Вот ты где, – говорит Пэдди, с трудом переводя дыхание.

– Боже мой, Пэдди, – говорю я испуганно, сердце чуть в пятки не ушло, будто меня поймали с поличным. Это его дождевик шуршит по ногам во время быстрой ходьбы.

Он смотрит на машину и присвистывает. Обходит ее со всех сторон, заглядывает в окна, шумно пыхтя.

– «Ламборгини», да? – Он почти вдавливая лицо в стекло, прикрывая руками глаза от солнца, оставляя следы от пальцев и дыхания на чистом стекле.

– «Феррари», – поправляю я его, с тревогой поглядывая на здание. Я вижу человека в окне, с густыми, вьющимися светлыми волосами. Он смотрит на нас, затем исчезает. Пре-

красно, сторожевая башня засекала меня. Нужно торопиться.

– Ты разве не получила мое сообщение? – спрашивает Пэдди, все еще уткнувшись носом в окно со стороны водителя. – Я написал тебе вчера вечером, предупредил, что возьми этот сектор на себя.

– Нет, не получила, – говорю я рассеянно.

Другой человек появился в окне, теперь там двое парней. Вид у них такой, будто они играют в музыкальной группе. Хозяина «феррари» среди них нет.

– Дальше я сам, – говорит Пэдди.

– Нет, я уже заканчиваю, – отвечаю я резко. Я отмечаю место, район и правонарушение. Делаю фото. Выписываю штраф. Пэдди продолжает говорить, но я не слушаю ни единого слова. Зато я слышу, как открывается дверь в соседнем здании.

– Эй! – кричит парень.

Я не смотрю на него, вынимаю штраф из терминала, засовываю в пластиковый вкладыш, чтобы защитить от дождя и других осадков. Пальцы дрожат, сердце колотится, Пэдди ничего не замечает. Я кладу штраф под стеклоочиститель и отхожу в сторону, задыхаясь, на грани обморока. Готово.

– В чем дело? – спрашивает вчерашний парень.

Пэдди смотрит на меня.

– К сожалению, у вас нет талона об оплате, – отвечаю я вежливо, но решительно.

– Я стою здесь с шести утра, парковка бесплатная, талон

не нужен до девяти. У меня еще десять минут, – говорит он, глядя на меня так, будто я собачье дерьмо на его дурацких кроссовках «Прада».

Я показываю на знак.

– В этом районе платная парковка начинается в восемь. – Я с удивлением замечаю дрожь в своем голосе. Вся эта история вызвала у меня сильный прилив адреналина. Я вешаю терминал на плечо, будто это пистолет в кобуре.

Он смотрит на меня сердито. На нем красная бейсболка. С логотипом «феррари». Она низко надвинута, глаза не разглядеть, но я и так знаю, что они полны бешенства. Сложно ненавидеть человека, которого не знаешь, но я чувствую, как от него исходит именно ненависть. Я сглатываю.

– Ничего себе машинка, – говорит Пэдди как ни в чем не бывало. – Чья она?

Я смотрю на него удивленно.

– Моя, – бросает парень. – Иначе зачем бы я стоял здесь и спрашивал про штраф.

– Ну, уж простите, – говорит Пэдди обиженно и уязвленно, поправляя фуражку. – Подумал, что вашего босса. – Он смотрит мимо парня на здание.

– Это я босс, – говорит парень. Типичные жалобы избалованных белых мужчин, которые я презираю всем сердцем. Бедный богатенький мальчик получил штраф за парковку, потому что не стал утруждать себя, чтобы перечитать правила и бросить один евро в паркомат. Теперь весь мир против

него. Обидели чертова засранца. Наверняка это худшее, что произойдет с ним на неделе.

Он поднимает стеклоочиститель и хватает штраф. Затем резко выпускает стеклоочиститель, и тот ударяется о лобовое стекло. Он мельком смотрит на штраф, читать не нужно, он и так знает, что там сказано, он уже получил два точно таких же в пятницу с разницей в несколько часов и еще по одному через день в течение двух недель.

– Ты мстишь мне? – спросил он.

Я качаю головой.

– Никакой мести, – говорю, – просто делаю свою работу.

– Что тебе надо от меня? – спрашивает он снова сердито, будто не слышал моего ответа. Он подходит ко мне. Расправив широкие плечи. Я высокая, но он еще выше.

– Ничего мне не надо, – говорю я, стараясь теперь избежать конфликта, мне это не нравится. Слишком напряженно, он зол, как черт, и уровень агрессии зашкаливает. Мне следовало бы уйти, но я не могу. Я оцепенела, застыла на месте.

– Ты, мент недоделанный! – орет он неожиданно. – Что, власть свою почувствовала, да?

Я смотрю на него удивленно. Отчасти он прав.

– Ну-ну! – говорит Пэдди. – Идем, Аллегра.

Но я не могу пошевелиться. Это как дорожная авария, мне непременно нужно притормозить и внимательно рассмотреть все чудовищные детали, которые ничего, кроме ужаса, у меня не вызовут. Кровь и кишки. Меня готовили к таким

случаям – когда кто-то проявляет агрессию. Неделя интенсивной подготовки по значению дорожной разметки на бордюре тротуара, а также по урегулированию конфликтов. Я должна встать сбоку от человека и быть готовой к тому, чтобы уйти, но вся моя подготовка накрылась медным тазом. Я замерла на месте, прямо перед ним, глядя на него, словно олень на фары. Жду, что будет дальше.

– Говорят, мы среднее арифметическое пяти человек, с которыми мы чаще всего общаемся, – произносит он, свирепо глядя на меня и раздувая ноздри, как волк. – Не очень лестно для твоих знакомых, правда? Этот вот один. – Он показывает на Пэдди. – Интересно было бы взглянуть на остальных четырех неудачников в твоей никчемной жизни.

Он достает штраф из пластикового вкладыша и рвет его на кусочки. Они летят на мостовую, будто конфетти. Затем, перешагивая через ступеньку, он поднимается к своему офису и хлопает дверью.

Сердце колотится. Грохочет у меня в ушах. Будто произошел взрыв, и теперь у меня звенит в ушах.

– Боже мой! – говорит Пэдди с хриплым нервным смешком и идет ко мне так быстро, как только позволяют его натертые ноги. Внутренняя часть брюк поднялась выше носков, сгрудилась и топорщится вокруг ширинки.

Я смотрю на обрывки бумаги на мостовой. Мусор вместо парковочного штрафа.

Прошло некоторое время, прежде чем кровь отхлынула

от головы, сердце успокоилось, паника ушла, – и тут меня начинает трясти.

– Она все еще тут, – слышу я чей-то громкий голос и смех. Издевательский смех. Он доносится из окна офиса, где несколько человек наблюдают за мной, ухмыляясь. Двое знакомых парней и еще несколько новых лиц. Когда я поднимаю на них взгляд, они расходятся.

– Не буду я больше сюда ходить, – говорит Пэдди. – Ты бери Сент-Маргарет и весь запад. Хорошо? – спрашивает он, когда я не отвечаю.

Я киваю.

– Нельзя допустить, чтобы это сошло ему с рук, – говорит Пэдди, – а то решит, что может рвать все штрафы, которые он получает, будто он не обязан их оплачивать, но пока оставим все как есть. Пусть остынет. Я вернусь чуть позже и проверю. Я выпишу штраф, если увижу, что он не усвоил урок.

Я все еще не могу двигать ногами. Они трясутся.

– Не принимай так близко к сердцу, – говорит он, глядя на меня.

– Знаю, – произношу я наконец, хрипло, сдавленно. – Я даже не поняла, что он сказал.

И это правда.

Бессмыслица какая-то. Нагромождение сердитых слов, слишком нелепых и мудреных, чтобы задеть меня. Но именно поэтому я задумалась о них, прокручивала в голове снова и снова весь день и почти всю ночь, чтобы понять их смысл.

Его оскорбление прозвучало как песня, которая тебе не нравится, когда слышишь ее впервые, но чем чаще она повторяется, тем больше она тебя затягивает. Это оскорбление, которое не обидело меня, когда я услышала его впервые. Слишком сложные слова, чтобы убить меня на месте. Это вам не простое слово на букву «б». Но чем больше я вспоминаю его слова, тем больше они мне нравятся. И ранят меня с каждым разом все больше. Как деревянный троянский конь, его слова незаметно просочились через мои защитные стены – и БАМ! – они обхитрили меня, выскочили из укрытия и нанесли мне сокрушительный удар, и еще, и еще, пронзая меня снова и снова.

Самое хитрое оскорбление.

Так он меня и бросил. Склизкую жижу вместо улитки, раздавленную подошвой его кроссовки, силой его слова. Сломленную. Растерзанную. Беззащитную. С торчащей антенной.

Глава восьмая

Ночь выдалась беспокойная. Один и тот же сон повторялся много раз. Ужасно утомительно. Снова и снова я делаю одно и то же, пытаюсь решить одну и ту же проблему. Я попадаю в туалетную кабинку, но без стен и двери, и всем меня видно. Я так занята сном, что во вторник утром просыпаюсь позже обычного.

Сейчас 7:34. Мой айфон показывает, что я выключила будильник в семь утра, но я не помню этого. Раньше такого не случалось. Ошарашенная и немного растерянная оттого, что сбилась с графика, я быстро принимаю душ. Не успевает вода освежить меня и пенистый гель для душа коснуться кожи, как я уже выхожу. Я все еще мокрая, когда одеваюсь. Чувствую, как на меня накатывает паника и напряжение. Я опаздываю на тридцать минут, и весь день испорчен. Свет другой, и звуки тоже. Птицы тише. Я пропустила их утренний концерт. У меня не остается времени на привычные занятия. Отстаю на несколько шагов. На мгновение, вопреки логике, я замираю, стараясь собраться с мыслями. Все разладилось.

В школе-пансионе был жесткий распорядок дня, каждый шаг рассчитан, ни минуты впустую: в 7:30 подъем, затем завтрак и подготовка к школе; в девять утра уроки; в 13:05 обед; в 13:50 уроки; в 15:40 игры/другие занятия/чай; в 16:30–

18:30 ужин; 16:30–19:30 отдых; 19:00–20:50 домашнее задание; 20:55 вечерняя молитва; 21:00–21:30 чай перед сном и отдых; 21:30–22:15 гасят свет. Веснушки. Созвездия. Жизнь по распорядку сильно отличалась от жизни с папой – вольным духом, который словно существовал в своем собственном времени, подстраивая под себя весь мир. Мне нравилось жить с папой, но что-то щелкнуло во мне, когда я приехала в школу-пансион. Рутинa, дисциплина, когда точно знаешь, что тебя ждет впереди, – это успокаивало. И никогда не казалось мне скучным и удушающим, как некоторым другим девочкам.

Я поздно выхожу из дома. Спускаюсь вниз, не обращаю никакого внимания на то, что происходит в доме. В парке замка Малахайд прохожу мимо мужчины в костюме с наушниками. Он намного дальше, чем обычно. А я сильно отстаю. Иду быстрее. Бегуни уже нет, хотя, наверное, она еще нагонит меня. Хозяина немецкого дога нигде не видно. Почему? Неужели он выбрал другой маршрут? Где старик с сыном и вообще что творится – земля слетела со своей оси этим утром? Сегодня среда. Нет. Вторник. Я запуталась. Какое проклятие наложил на меня хозяин «феррари»?

В пекарню я прихожу в 8:15, там уже не протолкнуться, я даже в дверь войти не могу. Спеннер не замечает меня, потому что передо мной целая очередь спин. Я опоздала. Пусть мое дежурство уже началось, но мне надо следовать своему распорядку. Чувствую себя лишней, заглядываю в запотев-

шие окна, словно ребенок, которого не пригласили на праздник. Я ухожу, не могу сообразить, что делать. Я прихожу в эту пекарню каждое утро вот уже три месяца. Куда теперь?

Я растеряна, голова идет кругом, но останавливаться нельзя. Такое чувство, что все смотрят на меня, потому что я не знаю, куда иду. Я останавливаюсь, снова иду. Оборачиваюсь и возвращаюсь обратно тем же путем, затем снова делаю разворот и иду назад, лихорадочно перебирая в уме, куда же можно пойти. Я как муравей, которому сломали дорожку. Это все он виноват. Встаю в очередь в «Инсомнии» и разглядываю прилавок с незнакомыми маффинами и пирожными. Так и слышу, как Спеннер ругает их. Бельгийских вафель у них нет. Только мини-вафли в упаковке возле кассы. Я ничего не могу выбрать, поэтому ухожу. На улице сталкиваюсь с Донной.

– Доброе утро, Аллегра.

Его джип стоит прямо перед кафе. Мотор гудит, аварийка включена, в салоне бесятся дети. Он припарковался на двойной желтой полосе. Ключи в замке зажигания. Интересно, что он ответит, если я велю ему переставить автомобиль. Я не видела его с той ночи, как застучала Бекки. Интересно, он что-то подозревает? Мне надо следить за своими словами? Меня больше волнует, что он нарушил правила парковки.

– Вчера вечером я заметил лису, – говорит он.

Я перевожу взгляд с машины на него и обратно. Дети орут внутри, мне слышно их отсюда, а он продолжает мне расска-

зывать о том, что лисы – ночные охотники. Одиночки. Падальщики, на кошек и собак не нападают, так что Ячменьке и Пшеничке ничего не угрожает.

– Поток, что лисий язычок, дорожки лижет, травку рвет, – говорит он.

Господи, его потянуло на поэзию, да еще в такую рань.

– Шеймас Хини. «Еж и лиса», – говорит он.

– Точно, мы проходили его в школе, – говорю я. – Что-то там про картошку.

– Это «Копаящие», – говорит он.

– Да, я уже забыла. Давно это было.

– Это про работу, дисциплину и желание созидать, – сказал он.

И опять его глубокий, всезнающий взгляд, будто мне не все равно. Сегодня у меня нет на это сил. Я сама не своя.

– А я думала, про картошку, – бормочу я.

– Ты же знаешь, что еж – это Хьюм, а лиса – Тримбл.

Отсутствие ответа и зрительного контакта и мое общее равнодушие он воспринимает как призыв продолжить беседу.

– Джон Хьюм. Социал-демократическая и лейбористская партия. Дэвид Тримбл. Ольстерская юнионистская партия. Робкие достижения при решительных действиях.

– Точно, – говорю я, чувствуя, как вспотела спина. И щиплет под рубашкой.

Я снова смотрю на его машину.

– Я задерживаю тебя? – спрашивает он.

– Разве не опасно оставлять ключи в замке зажигания, когда дети в машине? – говорю я.

Он не сразу переключается на новую тему разговора, пожимает плечами.

– Да нет, они не будут трогать.

– Я имею в виду не детей – кто-то может угнать машину.

Он смеется.

– Если и найдется такой дурак, он привезет их обратно, поверь мне. Может, ты последуешь немного?

– За кем?

– За лисой. Вдруг она снова появится. Я пытался понять, с какой стороны она пролезла, – говорит он. И никак не унимается.

Я смотрю на машину, раздражение нарастает, кожа чешется, и нос тоже.

– Доннаха, – перебиваю я, – ты же знаешь, что я парковочный инспектор, а ты припарковался на двойной желтой линии.

– Я не припарковался, аварийка же горит. Я всего на минутку.

Он не знает, что такое минутка. Мне кажется, все смотрят на меня и осуждают – этот инспектор работает спустя рукава. Сжечь ее надо за такой непрофессионализм. Мимо проезжает полицейская машина, и мой пульс учащается. Не хочу, чтобы они видели, что я не выполняю свои обязанности.

Стараюсь придать лицу суровое выражение. Может, они подумают, что я отчитываю Доннаху. Или занимаюсь важным расследованием.

– Твоя машина припаркована в неподобающем месте, – говорю я, – и ты ставишь меня в очень неловкое положение. А твоя жена трахается с другим, – последние слова я не произношу вслух. Но могла бы. Может, так и сделаю. Если он не отпустит меня. И не избавит меня от своей ухмылки. Они вот-вот сорвутся у меня с языка.

– Ладно, ладно, – говорит он.

Я спешу уйти, пока не проговорила. Сворачиваю налево по Таунъярд-лейн, чтобы не чувствовать его взгляд на спине. Я дрожу. Во всем виноват тот парень с «феррари». Это из-за него я развалилась. На части. Все внутренности оголены. Я начала не с той ноги и не могу найти привычный ритм. Сегодня я нервная. Дерганая. Подойдя к салону красоты, я замечаю, что БМВ нет перед входом. Озадаченная, я оглядываюсь, не припарковалась ли она в другом месте, но ее нигде не видно. Я быстро перехожу на другую сторону улицы, не глядя на машины, и чуть не попадаю под колеса. Где же она? Что с ней произошло? Почему она не приехала на работу сегодня? Под оглушительные звуки клаксона я подбегаю к окну салона и заглядываю внутрь. Вот же она, сидит за столом, делает маникюр. Хоть это радует, и я немного успокаиваюсь, но куда подевалась ее чертова машина и что вообще происходит?

Я несколько раз прохожу по улице туда-обратно, проверяя каждую машину в поисках ее регистрационного номера. Может, она купила новый автомобиль, может, приехала на другом, и если так, то надеюсь, она указала данные нового транспортного средства, иначе мне придется выписать ей штраф. Но здесь нет ни одного автомобиля, который принадлежал бы ей или ее бизнесу. Я снова заглядываю в окно, растерянная. Она на секунду отрывается от работы, ловит мой взгляд. Улыбается, очень вежливо, настоящий профессионал, всегда готова привлечь новых клиентов. Я отворачиваюсь и быстро ухожу, сердце бешено колотится после такого «столкновения».

Я останавливаюсь в начале Джеймс-террас и смотрю на улицу. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Сама не знаю, хочу я увидеть «феррари» или нет. Утомившись после стольких переживаний, я иду вдоль машин, будто предчувствуя неминуемую кару, и вдруг кто-то выбегает из восьмого номера – не он, это кудрявый паренек. В повседневной одежде, весь такой модный и чистенький, в рубашке и джинсах, совершенно неподходящем наряде для офиса. Интересно, чем же они там занимаются, помимо того что портят людям жизнь. Он смотрит на меня, ухмыляется, сбегая со ступенек. Нарыв деньги в кармане, он спешит к паркомату, затем к «феррари». Он открывает дверь, кладет талон на приборную доску, подмигивает мне, будто победил меня в игре, в которую у меня нет ни малейшего желания играть (или есть?), и

бежит обратно в офис.

Ясно, его назначили парковщиком.

Я рада, что владелец «феррари» заплатил или, по крайней мере, поручил это одному из своих лакеев, но платить только при моем приближении – неправильно. Это же не игра в кошки-мышки, дело вообще не во мне, нужно платить за все часы парковки. Я снова раздражаюсь.

Мне нужен перерыв. Кофе и завтрак у меня сегодня не было, но, может, устроить себе ранний обед? Я иду по улице мимо офиса, глядя прямо перед собой, к прибрежной дороге. Направляюсь к своей скамье, но начинается дождь, и мне приходится срочно укрыться. Льет как из ведра крупными, холодными каплями. Мокрый дождь, как мы говорим. Я спешу к общественному туалету на углу, за теннисным клубом. Тут симпатичные горшки с цветами и подвесные кашпо. Я ем свой сэндвич с сыром стоя, повернувшись спиной к номеру восемь. Смотрите, она обедает у грязного туалета, под дождем, – представляю, как говорят эти парни-модели, закинув ноги в кроссовках «Прада» на стол и облокотившись на спинку кресла, попивая свой капучино с миндальным молоком пополам с молоком ламы.

Чтобы отвлечься, я смотрю на окна полицейского участка, яркую полоску света, проглядывающую между вертикальными офисными жалюзи, гадая, над чем они сейчас работают, – может, когда-нибудь штрафы, которые я выписываю, помогут им раскрыть дело.

Дождь идет весь вечер, и без того серый день стал еще серее, грязнее и холоднее. Студеный ветер крепчает, прогоняя обещанную весну и возвращая нас обратно в зиму. К концу рабочего дня я прихожу домой окоченевшая. Ноги онемели, а пальцы так замерзли, что едва держат ключ от двери. Я бы посидела с детьми сегодня вечером, они бы отвлекли меня от тяжелых мыслей. Обычно Бекки и Доннаха уходят развеяться по вторникам, но в доме тихо. Я иду по выложенной камнями дорожке через тайный сад к спортзалу.

Дождь выгнал червей и улиток из их укрытий.

Я чувствую треск под ногой. Я поворачиваю ногу несколько раз, чтобы стереть склизкие останки улитки.

Я долго стою в душе. Тепло не сразу согревает кожу и проникает до костей. Пар такой густой, что мне ничего не видно сквозь стеклянные стены кабинки и тяжело дышать. Вода обжигает меня, но я делаю еще горячее.

Потом долго не удастся заснуть. В голове ураган, никак не успокоюсь. Не могу сосредоточиться, мысли прыгают с одного на другое, и в голову лезет всякая чепуха. Пять человек...

Снаружи доносится шум. Треск, грохот. Похоже, свалился мусорный контейнер на колесах. Ветрено, но не настолько, чтобы опрокинуть его. Мусорные контейнеры семьи Макговерн стоят в ряд недалеко от дома. За забором цвета хаки. Два зеленых контейнера для повторной утилизации, коричневый контейнер для пищевых отходов и сиреневый для хо-

зыйственного мусора. Контейнеры для моего личного пользования, по одному каждого вида, стоят за гаражом. Я скрупулезно сортирую свой мусор. Все нужно отделить, очистить пластик от еды, прежде чем выбросить его, снять этикетки. Соблюсти все правила. После стольких трудов мне больно видеть, что творят другие семьи. Страшно даже думать о том, что их месиво будет перемешано с моим мусором. Так и вижу пластиковый водоворот в океане. Грохот раздался прямо под моим окном. Я выглядываю наружу, но ничего не вижу. Здесь есть сенсорный фонарь с датчиками движения, но я отключила его, потому что дерево за моим окном включало его каждый раз, когда качалось на ветру.

Я натягиваю домашние штаны, просовываю голову в свитер и спешу вниз. В офисе и спортзале свет не горит. Я одна в здании. Я открываю дверь, выглядываю наружу и вижу прямо перед собой лису. Она смотрит на меня не мигая. Это она перевернула зеленый мусорный контейнер. Неудачная затея, друг мой, там нечем поживиться, хотя она, должно быть, унюхала остатки еды в пакетах и коробках. Сердце бешено колотится, а игра в гляделки продолжается. Я не смею вздохнуть. Или мигнуть. У нее пышный хвост с белым кончиком. Вообще она похожа на собаку, но хвост ее выдает.

Madra gua, рыжая лиса.

Мы пристально смотрим друг на друга, не знаю, сколько времени прошло, думаю, не так долго, как мне кажется. Взгляд у нее не угрожающий, но откуда мне знать, опасна

она или нет. Может, если ты курица... Ты курица, Аллегра? Кво-кво-кво. Ты позволишь словам того человека сломить тебя, выбить из колеи? Позволишь, Аллегра? Он назвал тебя неудачницей. Он думает, что пять человек, с которыми ты общаешься чаще всего, – тоже неудачники, как и ты; может, он прав, смотри, как ты отреагировала, Аллегра. Или называть тебя Веснушкой? Кто ты теперь? Аллегра или Веснушка? Ну же, решай.

Я делаю шаг назад, в дом, и закрываю дверь, сердце все еще колотится в груди.

Кво-кво-кво.

Под одеялом я вдруг замечаю, что вожу пальцем правой руки по коже левой руки. Снова и снова трогаю выступающие шрамы возле бицепса, будто прокладываю путь. Мне даже не нужно смотреть, какое это созвездие, я и так знаю, на ощупь. Кассиопея. Пять звезд. До сих пор помню их названия: Сегин, Рукбах, Нави, Шедар, Каф. Проводя пальцем по каждой звезде, я вспоминаю слова хозяина «феррари».

Пять человек. Пять звезд. Веснушка к веснушке. Звезда к веснушке. Человек к звезде. Человек к веснушке. Снова и снова, пока не проваливаюсь в сон.

Глава девятая

Я смотрю на приборную панель «феррари». Тридцать минут назад истек срок оплаченной парковки. На секунду меня переполняет удовлетворение, но не потому, что я могу снова выписать ему штраф, а потому, что он снова постарался. Но тут же злюсь на себя за то, как низко пали мои стандарты. Одного старания мало.

Я поднимаюсь по четырем ступеням к номеру восемь. Ступени чистые и блестящие, отремонтированные, в отличие от остальных ступеней на этой улице – неровных, с отбитыми краями, потрескавшихся от времени. Никаких следов моей липкой слизи там, где он наступил на меня, раздавил меня своими словами. Георгианская дверь черная, блестящая, с большой золотой ручкой и большой золотой восьмеркой. Справа только один звонок и название компании «Ку-кареку Inc». Я нажимаю на звонок, делаю шаг назад и прочищаю горло.

Никто не отвечает, я уже собираюсь уйти, как вдруг дверь открывает женщина примерно моего возраста, высокая, хотя она занимает лишь четверть высоты дверного проема. Она похожа на миниатюрного человечка, куклу в кукольном домике. Я вздрагиваю от громких мужских возгласов, будто футбольная команда забила гол. Она делает вид, что не замечает, и, как только я осознаю, что эти возгласы относятся

не ко мне, я вздыхаю с облегчением.

Красавица с кислой физиономией пристально смотрит на меня.

– Привет, – говорит она.

Длинноногая брюнетка в обтягивающих черных джинсах, разорванных в самых нужных местах – на бедрах, в босоножках на высоком каблуке, клетчатой рубашке, наполовину заправленной в джинсы с высокой талией, пуговицы растегнуты до груди, рукава подвернуты. Сексуальная сетчатая футболка или боди под рубашкой. Ей не нужно стараться, чтобы выглядеть круто. Небрежно сексуально. Все чистенькое и опрятненькое. Густые брови. Словно пушистые гусеницы, профессионально подстриженные и причесанные. Серьги-кольца. Пухлые губы. На все лицо. Кожа такая чистая, что глазам не верится. Ни единого пятнышка, ни единой веснушки или волоска. Будто ее отдраили до блеска, гладкая, как новая упаковка масла, как земля, покрытая свежим снегом. Белки глаз невероятной белизны, сами глаза янтарные, цвета канифоли, которой папа натирает смычок. Новый вид женщины. Тело Кендалл Дженнер с лицом Кайли Дженнер. По крайней мере, при полном макияже.

– Здравствуйте, – говорю я, – я парковочный инспектор графства Фингел. Я бы хотела поговорить с владельцем желтого «феррари».

Я стою чуть прямее, чем обычно. Я выше ее. Не знаю, почему это доставляет мне удовольствие, но что есть, то есть.

Я смотрю мимо нее, в длинный коридор, откуда доносятся крики. Все отделано в серых и белых тонах. Стены, карнизы, деревянная обшивка, будто со страниц журнала по интерьеру. Кошка прогуливается по коридору по направлению к нам. Тоже серая с белым, словно ее покрасили в тон интерьера.

– У Рустера встреча, – говорит она, наклоняясь, чтобы подобрать кошку, целует ее, не прикасаясь губами, чтобы шерсть не прилипла к блеску. У нее длинные заостренные ногти, такие могут серьезно поцарапать. Накладные, розового цвета. Раздается еще один возглас со стороны коридора.

– Рустер²? – спрашиваю я.

– Хозяин «феррари», – отвечает она.

Я очень разочарована. Не из-за имени. Оно просто класс! Лучшего и не придумаешь для придурочного владельца такой выпендренной машины. Я думала, это будет идеальным поводом снова поговорить с ним. Встретиться лицом к лицу с лисой. Подробнее расспросить его про пять человек, проклятие, порчу, которую он навел на меня. Что все это значит и почему это так мучает меня. Но все же я не зря сюда пришла.

Я поднимаю папку для бумаг.

– Можно оставить это для него? – говорю я.

– Конечно, а что там? – спрашивает она.

Кот вырывается из ее рук. На мгновение мне показалось,

² От *англ.* rooster – петух.

что ее острые ногти поцарапают его и с диким ором он умчится на другой конец дома. Но кот благополучно прыгает на пол возле меня. Он приземляется на придверный коврик, затем вдруг бросается назад, будто я угроза. Капризный уродец.

– Это касается парковки, – отвечаю я. – Я заметила, что он паркуется здесь каждый день и у него своя компания. – Я делаю паузу. – Это ведь компания? – спрашиваю я.

Она прищуривает свои янтарные глаза.

– Ну, конечно.

– Я хотела передать ему бумаги, – говорю я, протягивая ей папку. – Это заявление на специальное парковочное разрешение. Годовая плата шестьсот евро, можно оплатить сразу или раз в месяц. Он получит регистрационный номер, и ему больше не придется брать талоны в паркомате и оплачивать штрафы.

Я улыбаюсь ей при слове «штрафы», но она не понимает. Ничего.

– Постойте-ка, – говорит она озадаченно. – Вы торговый агент?

– Нет, – говорю я со вздохом. – Я парковочный инспектор, – произношу я медленно и четко.

Она оглядывает меня с ног до головы, из глубины здания доносится очередной возглас, явно финальный, и голоса становятся громче, когда толпа молодых мужчин вываливает из комнаты в коридор. Все они одинаковые. Джинсы, кроссов-

ки, футболки, бейсболки, волосы на голове и на лице. На- помаженные и вкусно пахнущие. Как назвать музыкальную группу, в которой одни мальчики? Банда? Стая? Комплект? Мишура?

Парковщик замечает меня.

– Черт, уже пора? – спрашивает он, глядя на круглолицые часы с розовым ремешком на своей руке.

– Да, – начинаю я, – но я хотела...

– Рустер на встрече, – перебивает он. – Уже три часа там сидит, так что он занят. Я же просил тебя это сделать, – обращается он к девушке.

– Я не знала, – пожимает она плечами. – В общем, она продает разрешения на парковку.

– Нет, я...

– Ну, так бери, – говорит парковщик, презрительно махнув в мою сторону, и исчезает в офисе – в том, откуда он наблюдает за мной через окно, словно ночной сторож, охраняющий крепостную стену. Парни расходятся по комнатам, кошка и маленькая собачонка тоже. Сперва они бросают на меня любопытные взгляды, затем отворачиваются, потеряв интерес. Мне здесь больше нечего делать.

– Ладно, до свидания.

Я поворачиваюсь и спускаюсь по ступеням. Нужно бы проверить остальные машины на улице, но я не хочу здесь задерживаться. Сегодня им повезло. У меня лицо горит. Я слышу сдавленный смешок за спиной, и дверь закрывается.

Лучше я устрою себе ранний обед. Тогда Пэджи не успеет подсесть ко мне и не придется говорить о том, что произошло, снова проживать тот эпизод.

Моя скамья занята.

Черт.

Я говорю это вслух.

Престарелая пара, сидящая на скамье, поднимает на меня глаза. Мужчина склонился вперед, опираясь на трость, тяжело дыша, с присвистом.

– Вы тут надолго? – спрашиваю я.

Они удивленно смотрят на меня.

– На этом свете или на скамейке? – спрашивает он.

– На скамейке? – говорю я.

– Ему нужно отдохнуть, – говорит она, будто извиняясь.

– Выпишете мне штраф? – спрашивает он, с задорным блеском в глазах, и я улыбаюсь.

– На этот раз прощаю.

Придется подстраиваться. Сегодня все не так как надо.

Я сажусь на низкой каменной ограде над пристанью. Я никогда здесь не сидела и чувствую себя как собака – делаю несколько кругов, чтобы решить, как бы сесть поудобнее. Передо мной покатый спуск для лодок до самой воды, шелковистой и блестящей. Гладкой, как зеркало, в этот погожий день. На середине спуска стоит мужчина, сунув руки в карманы, и смотрит на море. Я наблюдаю за ним, потом перевожу взгляд на остров вдали. То тут, то там виднеется

несколько движущихся точек – это гольфисты ездят по полю для гольфа на острове.

Не успеваю я откусить свой сэндвич с сыром, как на стене возле меня появляется нога, затем и все остальное. Я узнаю эти кроссовки. «Прада».

– Не возражаешь, если я присяду? – спрашивает он. Стоит, ждет приглашения.

– Пожалуйста.

Он садится.

– Спасибо за бумаги, – говорит он с папкой в руке. – Я только что со встречи. Это ведь ты принесла?

– Я решила, так будет проще, чем бегать по сто раз в день и доплачивать за парковку. Почти все компании в этом округе берут разрешение на парковку.

– Да, это разумно. Спасибо.

Я откусываю свой сэндвич. Чувствую его пристальный взгляд, жую неритмично, неестественно. Нужно поговорить с ним, а не есть. Опять я все делаю не вовремя. Глотаю.

– Слушай, ты можешь оплачивать парковку как тебе удобно, но, если ты не будешь платить, мне придется выписать тебе штраф, это моя работа, ничего личного. Никакой мести. Я многим выписываю штрафы. И чаще всего я не знаю владельцев.

Хотя я прекрасно помню, кто чем владеет в нашем районе, но я не хочу рассказывать об этом ему.

– Я хотел извиниться за тот случай, – говорит он, – когда я

порвал штраф и наговорил всякого. Я проявил чудовищное неуважение, мне вообще такое несвойственно, я никогда так не срываюсь, и я не хотел тебя обидеть.

– Хотел.

– В тот момент хотел, но это не было... В общем мне очень жаль.

Теперь-то он робкий. Может, куры все-таки способны напугать лисиц, может, улитки способны раздавить людей.

– Рассказывай, – говорю я.

– Если в двух словах, – произносит он и задумывается, – день выдался ужасный. К тому же я получал штраф за парковку каждый день в течение двух недель. И я был взвинчен, на грани нервного срыва, понимаешь, новый бизнес, офисные интриги... Почему ты улыбаешься?

– Я имела в виду, расскажи о том, что ты мне тогда сказал. Что мы среднее арифметическое пяти человек, с которыми мы чаще всего общаемся, – говорю я. Громко и четко, как повторяла себе с той минуты, как он произнес эти слова. Порча. Проклятие. Троянский конь.

– Ах, это. Да нет. Я ничего такого не имел в виду.

Он смущен. Тем, что оскорбил меня, или тем, *как* он меня оскорбил, не знаю точно. Дебильное оскорбление, если подумать. Все же мне хочется, чтобы он объяснил подробнее.

– Хорошо, – говорю я, – но что это значит?

– Ты среднее арифметическое пяти человек, с которыми ты чаще всего общаешься, это такая расхожая фраза в биз-

несе, – объясняет он. – Вдохновляющее высказывание. Принадлежат Джиму Рону. Он мотивационный спикер. Это значит, что люди, с которыми ты проводишь больше всего времени, влияют на твою личность.

Закончив, он наконец поднимает на меня глаза, чтобы убедиться, что я все еще слушаю. Я слушаю. С той самой минуты, когда он сказал мне эти слова. Не в романтическом смысле, конечно, и никакого намека на любовный роман здесь и в помине нет, как раз наоборот, но эта фраза произвела настоящий взрыв в моей голове.

– Согласно исследованиям, – говорит он, – люди, с которыми ты регулярно взаимодействуешь, определяют почти девяносто пять процентов твоего успеха или неудачи в жизни. Они определяют темы обсуждения. Они влияют на твоё настроение и поведение. Со временем ты начинаешь думать как они и вести себя как они. Я хожу на бизнес-курсы и недавно прочитал об этом, как раз перед тем, как увидел тебя, и... понимаешь, просто вырвалось.

– Ты сказал, что меня окружают неудачники, – говорю я. – Что пять человек, с которыми я провожу больше всего времени, наверняка ничтожества, раз я тоже получилась таким ничтожеством. Ты назвал Пэдди неудачником. Моего коллегу. Когда порвал штраф и бросил мне в лицо, ты не собирался вдохновлять меня.

Умен, нечего сказать. Хитрая старая лисица. Я перевожу взгляд на рыбака возле воды.

– За это я и прошу прощения.

– Хватит извиняться, – говорю я. – Это я уже слышала.

Мне нужно разобраться в этом.

– В чем разобраться?

– Кто мои пять человек. Если бы каждый выбирал себе пять человек, это были бы их мужья, жены, дети, родители или...

– Нет, семья не считается, – говорит он улыбаясь.

– Почему?

– Потому что тогда у всех эти пять человек были бы членами семьи.

– У меня был бы только один.

– Ясно.

– Продолжай.

– Если не ограничиваться семьей, наверняка найдутся и другие люди, которые оказывают влияние на твою жизнь, а ты об этом даже не задумываешься.

Я открываю пакетик с грецкими орехами и предлагаю ему.

Он качает головой.

– Думаю, тебе не стоит воспринимать это буквально. Я ляпнул глупость. Что первое в голову пришло. Просто вертелось на языке.

– Да, понимаю, но это как навязчивый мотив.

– Что-что?

– Ну, знаешь, песня, которую никак не можешь выкинуть из головы и повторяешь ее снова и снова. Я постоянно раз-

мышляю об этих словах.

– Действительно, похоже на то. Наверное, поэтому я и сказал эту фразу. Тоже много думал о ней.

– А можно одного члена семьи все-таки включить в пятерку? – спрашиваю я.

– Думаю, да, если он оказывает на тебя большое влияние.

– Да, оказывает. Мой папа.

– Хорошо. – он пожимает плечами.

– Значит, нужно еще четыре, – размышляю я вслух. – Это люди, с которыми ты буквально проводишь больше всего времени, даже если они тебе не очень-то нравятся, а, может, это люди, которых... – я задумываюсь. – Люди, которых ты даже не знаешь.

– Люди, которых ты не знаешь? – говорит он, тоже размышляя вслух. – Что ты имеешь в виду? Люди, которые вдохновляют тебя? – спрашивает он, протягивая руку за моими орешками и задумчиво отправляя их в рот. Он смотрит на море. – Мм, вкусно. Обычно мне не нравятся грецкие орехи.

– Они в сахарной глазури.

– По-моему, – говорит он, – ты слишком заморачиваешься. Сложно, конечно, выбрать из всех своих знакомых только пять человек. Тебя могут вдохновлять чьи-то мысли и поступки... например Опри, но ее не будет в твоем списке. Речь идет о людях, с которыми ты общаешься. Они должны пересекаться с твоей жизнью.

Он внимательно смотрит на меня.

А я на него.

Он мог бы быть очень даже симпатичным, если бы не был таким мудаком.

– Объясни-ка еще раз, – говорю я, – я все-таки не улавливаю, по каким параметрам выбирать этих пятерых.

– Пять человек, – произносит он медленно, на этот раз с широкой улыбкой, обнажая идеальные зубы, – с которыми ты чаще всего общаешься. Вот и все. – Он смотрит на меня улыбаясь.

– Что тут смешного?

– Твое лицо. Я совсем заморочил тебе голову.

– Так и есть, – говорю я. – По-твоему все просто. Пять человек. Кто бы они ни были. Делают меня такой, какая я есть. Навсегда. Просто потому, что я с ними общаюсь. И все. И это никак не связано со мной и с моим воспитанием или решениями, которые я принимаю, и моими генами и так далее. Все сводится к этим пятерым.

– Да, но не совсем. – он наклоняется ко мне, размахивает руками во время разговора. Большие дорогие часы на его тонком запястье. Светлые волосы на бледной коже рук. – Ты такая, какая ты есть, это понятно, но в этом-то вся прелесть. Вторая часть фразы говорит о том, что нужно выбирать с умом. У тебя есть выбор. Ты можешь выбрать этих пятерых, а значит, ты сама выбираешь, кто влияет на становление твоей личности, то есть сама выбираешь, кем тебе быть. Допу-

стим, ты собираешь баскетбольную команду, разве ты не выберешь пятерых лучших игроков и чтобы каждый из них был мастером своего дела. Тебе нужны разыгрывающий защитник, атакующий защитник, легкий форвард, тяжелый форвард и центровый.

– Я не играю в баскетбол.

– Не важно. – он закатывает глаза. – Ты – проект. Кто должен попасть в твою команду, чтобы ты стала такой, какой ты хочешь стать?

– Вот это действительно вдохновляет, – говорю я. – Так бы сразу и сказал, перед тем как рвать мой штраф.

Мы рассмеялись.

– Мир? – говорит он, протягивая руку.

Я киваю.

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

– Аллегра Берд, – говорю я.

У него мягкие руки. Мягче моих.

– Аллегра Берд. Классное имя.

– Есть такой музыкальный термин *allegro*, значит оживленно. Папа преподает музыку.

– Он один из твоей пятерки.

– Он первый. А их нужно располагать в определенном порядке?

Он смеется – ничего прекраснее я никогда не слышала, я невольно улыбаюсь, хотя голова кругом идет от всей этой путаницы.

– Друзья называют меня Веснушкой, – говорю я, хотя это совершенно лишнее, но я не знаю, что еще сказать.

– Веснушка, – говорит он улыбаясь и разглядывает мое лицо. Я смущаюсь. Будто он рисует карту, проводя линии от одной веснушки к другой. – Мило. Что ж, Аллегра, или Веснушка, я Тристан.

– Я думала, тебя зовут Рустер.

– Нет, Рустер – мой ник в YouTube.

– Зачем тебе ник в YouTube?

– Затем, что... а откуда ты знаешь, что я Рустер, если ты не знаешь, что я на YouTube?

– Твоя секретарша сказала. Я отдала ей папку с документами, чтобы передать тебе, – говорю я растерянно. Все-таки он псих, если забыл, почему он сюда притащился.

Он хмурится, глядя на папку.

– Я нашел ее на полу у двери, – говорит он, – решил, ты бросила через прорезь для почты.

– Нет. Твои помощники сказали, что ты на встрече.

– Да, я был на встрече.

– Что тебе больше нравится, – говорю я, – Рустер или Тристан?

– То есть кем мне больше нравится быть? – спрашивает он. – Или какое имя я предпочитаю?

Об этом я не подумала, но говорю, что и то и другое.

– Мне больше нравится быть Рустером. Но ты можешь звать меня Тристаном. А ты, что тебе больше нравится – Ал-

легра или Веснушка?

Я смотрю на него. Опять он это сделал. Устроил очередной взрыв в моей голове.

Папа зовет меня Аллегрой. И веснушки у меня от него. Но я ничего не говорю. Просто пожимаю плечами, и мы расстаемся, обоим пора возвращаться на работу.

Глава десятая

На Пасху я еду домой, чему я бесконечно рада. Сегодня пятница, чудесное утро, и ровно в 6:20 я сажусь на поезд из Дублина в Килларни и люблюсь мелькающим за окном пейзажем. В поселке было тихо и спокойно целую неделю, пока у детей каникулы, и на дорогах стало намного свободнее. Большинство жителей уехали на две недели. На улицах пустынно, много свободных мест для парковки, мало работы для меня, не с кем ругаться каждое утро. В Пепельную среду³ я развлекалась тем, что считала серые пятна на лбах прохожих. Опаленный мозг. В детстве я думала, что у них на голове случился пожар, и радовалась, что им удалось его потушить.

Я не религиозна. Как и папа, хотя официально он прихожанин Церкви Ирландии⁴. Я училась в католической школе-пансионе, но не ходила на религиозные уроки. И не я одна. Несколько протестанток, три индуистки и одна мусульманка. И девочка, которая приехала учиться в Ирландию из Малайзии, а ее родители остались в Малайзии. Она говори-

³ Пепельная среда – первый день Великого поста. Согласно традиции Римско-католической церкви в этот день проводится ритуал возложения пепла на головы верующих, когда священник пеплом чертит крест на лбу прихожан.

⁴ Церковь Ирландии – протестантская церковь, входящая в Англиканское сообщество, объединяет англикан в Республике Ирландия и Северной Ирландии.

ла, что атеистка, а у меня не было никакой религии, и. когда в школе проходили религиозные мероприятия, нам с ней всегда давали другие задания. Сочинения, письменные работы, бессмысленные поручения и прочее. Однажды в теплый солнечный денек нас отправили на улицу красить наши футболки, пока остальные сидели в классе и слушали про пресуществление. Они завидовали нашему нерелигиозному культу.

Мне все равно нравилась Сестра Давайка, хоть я и не разделяла ее религиозных взглядов. Она была молода, чуть старше тридцати, и искренне верила в свою миссию. Думаю, она считала, что обязана единолично компенсировать весь тот ужас, который монахини творили в стародавние времена. Она старалась уделить внимание каждой из нас, выслушать наши проблемы, показать заботу, найти решение.

Я достаю свой золотистый блокнот из сумки, кладу его на столик и начинаю составлять список. С пяти до одиннадцати лет моей пятеркой была лучшая подруга с Валентии Мэрион, Кара, Мэри, Лора и папа. В средней школе – Мэрион, Сестра Давайка, Бобби, мой парень, с которым я встречалась всего год, но страдала по нему намного дольше, так что он сильно повлиял на мои мечты и мысли, Вив, моя самая близкая подруга в школе, и папа. После школы, когда меня не взяли в полицейскую академию и до сегодняшнего дня, это Мэрион, мой парень Джейми, Циклоп, моя тетя Полин и папа. Всегда папа.

Уже много месяцев меня не было дома, и мне не терпится пообщаться с ними. По крайней мере с большинством.

В 10:20 я схожу с поезда на станции Килларни. Дорога до Валентии занимает один час двадцать минут или один час, если за рулем папа. Нелегко добраться до дома, в этой части света почти нет общественного транспорта. Остров Валентия совсем небольшой, одиннадцать километров в длину и три километра в ширину, и не так уж он далеко от цивилизации, но, если говорить о доступности, мне иногда кажется, что я пытаюсь добраться до Австралии.

Даже если я найду транспорт до Портмаги, все равно нужна машина, чтобы пересечь Мемориальный мост Морица О'Нила, связующий материк с Валентией, а потом доехать до Найтстауна, самого дальнего города от моста. Из Ринардс-Пойнта до Найтстауна можно добраться на автопароме всего за пять минут. Но он работает только с апреля по октябрь, когда много желающих, и если ты не попадешь в Ринардс-Пойнт до 22:00, то пропустишь последний паром. Я работала на автопароме после школы, а потом бросила, чтобы стать парковочным инспектором. Только с апреля по октябрь, а остальное время я работала в сувенирной лавке «Скеллиг экспириенс» – музее, где собрана история островов, и благодаря монастырю XVI века это место вошло в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Им не хватало сотрудников, когда вышли «Звездные войны: Эпизод VII – Пробуждение силы».

Том Брин обычно довозит меня из Кэрсивина до дома. Он местный таксист, но часто играет в гольф и от него мало толку, когда он отвечает на звонок с четвертой лунки в Кинсейле и просит подождать его пару часиков. И водит он медленно. Притом что папина езда наводит на меня ужас, езда Тома Брина вызывает у меня смертоубийственные желания.

Я обвожу взглядом парковку железнодорожной станции. Папы нет.

Я звоню ему.

– Аллегра, дорогая, – говорит он, – я дома, не смог до тебя доехать.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

– Я-то в порядке, а вот машина нет.

Я еще раз оглядываю парковку и думаю, какие у меня варианты. Автобусы до Кэрсивина не ходят по субботам, и, даже если бы ходили, пришлось бы звонить Тому Брину – мне кажется, я быстрее дойду до дома пешком. И вообще, когда у него сломалась машина? Мог бы предупредить меня. Он доезжает до станции за час, значит, должен был выехать из дома час назад. Почему он не позвонил и не написал мне, почему я узнаю об этом только теперь, когда сама позвонила?

Я стараюсь не раздражаться, шагая через парковку и размышляя, как бы выбраться из Килларни.

– Не переживай, – говорит папа, – я договорился, тебя подвезут.

Я замираю на месте. На парковку въезжает знакомый ав-

томобиль, лишь бы не за мной. Это машина Тома Бриана.

– Папа, ты ведь не вызвал Тома Бриана, правда?

– Это не Том, – говорит он.

Хорошо, значит, он забирает кого-то другого, но кого же тогда папа прислал за мной? Может, дядю Мосси или тетю Полин, хотя она занята в своем отеле, вряд ли у нее найдется время ездить за мной. Она точно не обрадуется такой просьбе, да еще в последнюю минуту, хоть и любит меня всем сердцем.

Машина Тома крадется по парковке, будто с преступными намерениями. Я отворачиваюсь и иду в другом направлении, на тот случай если ему вздумается пристать ко мне и уговаривать ехать вместе с другим пассажиром. Машина медленно подъезжает ко мне и ползет за мной, словно преследует.

– Том был занят, – говорит папа, – его надо было заранее предупредить, он уехал играть в гольф, но сказал, что отправит своего сына Джейми.

Своего сына Джейми – будто я впервые слышу о нем. Джейми был моим парнем три года. Он в моем списке пятерых. Я записала его имя, когда ехала в поезде, отвертеться уже не получится. Но именно его я как раз и не хотела видеть.

Джейми. Черт.

Я останавливаюсь, и машина останавливается. Я заглядываю в окно, Джейми смотрит на меня. Никто из нас не улыбается. Я покинула дом, я покинула Джейми. И наше расста-

вание никак нельзя назвать мирным. А теперь мне придется торчать с ним в машине целый час и двадцать минут.

Он выходит из машины и открывает багажник, чтобы положить мою сумку, но я говорю, что возьму ее с собой, в салон, тогда он захлопывает багажник и садится обратно в машину. Я делаю глубокий вдох и быстренько перебираю в голове другие варианты, но их нет, и, если я откажусь, это только усугубит ситуацию, так что я сажусь в машину, назад, за пассажирским сиденьем, и это так непривычно – мы с ним всегда сидели бок о бок.

– Надеюсь, ты водишь быстрее, чем твой папаша, – шучу я. Все знают, что его папа ползет, а не едет, когда-то мы с ним хохотали на эту тему, это сводило Джейми с ума. Но, наверное, я забыла добавить нотку душевности в свой голос, и он не догадался, что это шутка. Или догадался, но не хочет притворяться, что все хорошо, он смотрит на меня в зеркало заднего вида и говорит:

– Надеюсь, ты не извращенка, как твой папаша.

Он запирает двери, громко включает радио и едет.

Быстрее, чем его отец.

Глава одиннадцатая

«Твой папаша извращенец».

Я уже слышала эти слова. Когда училась в средней школе. Мне было лет двенадцать.

Кэти Салливан выпалила их в тот день, когда я перехватила у нее мяч во время игры в камоги и забила гол. Она всегда была несдержанной в спорте, слишком вспыльчивой и злобной. Чаще всего это проявлялось в том, что она била, царапала, тянула за волосы и даже кусала. Но не меня. Команду противников. Я не ждала от нее таких слов. Сначала я рассмеялась. Мне это показалось таким странным, глупым оскорблением, да и злилась она очень смешно. У нее раздувались ноздри, краснело лицо, выступала вена на лбу – вылитый мультяшный персонаж. У нее были свои проблемы. Это та самая девочка, что писала письмо с угрозами своей маме, которая изменила ее папе. До меня дошли слухи, что она всю флиртовала с новым маминым ухажером, а потом обвинила его в домогательствах. Она была повернутая. Постоянно на что-то злилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.